

18+

Проспер де Барант

**История
герцогов
Бургундских
из дома
Валуа —
1364—1477**

Том 10

Проспер де Барант

**История герцогов
Бургундских из дома
Валуа — 1364—1477. Том 10**

«Издательские решения»

Барант П.

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477.
Том 10 / П. Барант — «Издательские решения»,

В десятом томе «Истории герцогов Бургундских» де Барант описывает крушение могущества Карла Смелого (1472–1476). Автор показывает, как ослеплённый гордыней герцог терпит поражения при осаде Бове и Нойса, теряет союзников из-за интриг Людовика XI и тирании наместника Хагенбаха. Кульминацией становится предательство и казнь коннетабля Сен-Поля. Том завершается предчувствием гибели Карла в войне со швейцарцами.

© Барант П.

© Издательские решения

Содержание

ИСТОРИЯ ГЕРЦОГОВ БУРГУНДСКИХ ИЗ ДОМА ВАЛУА — 1364 —1477	6
Предисловие	6
Книга четвёртая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	38

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477 Том 10

Проспер де Барант

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Проспер де Барант, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-1363-2 (т. 10)

ISBN 978-5-0069-9593-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИСТОРИЯ ГЕРЦОГОВ БУРГУНДСКИХ ИЗ ДОМА ВАЛУА — 1364—1477 Том десятый. — Карл Смелый

Предисловие

Десятый том «Истории герцогов Бургундских из дома Валуа» посвящён одному из самых драматических и переломных периодов в судьбе герцога Карла Смелого (Шарля ле Темерера) — с 1472 по начало 1476 года. Этот отрезок времени становится роковым рубежом, за которым блестящее, но уже внутренне надломленное могущество Бургундского дома начинает стремительно клониться к своей трагической развязке.

В центре повествования тома находится постепенное, но неотвратимое крушение политических и военных замыслов герцога, его ослепление гордыней и неспособность соразмерять свои силы с реальностью. Одновременно автор показывает, как король Франции Людовик XI, уступая противнику в открытой военной мощи, но превосходя его в хитрости, выдержке и умении пользоваться чужими ошибками, шаг за шагом превращает безумные предприятия Карла в орудие его же гибели.

Том открывается сценой небывалого, но непрочного торжества герцога Бургундского. В момент смерти герцога Гиенского, брата французского короля, Карл находится в Аррасе во главе великолепной армии, готовой вторгнуться во Францию. Его союзниками выступают английский король Эдуард IV, герцог Бретонский и значительная часть французской знати. Кажется, ещё один шаг — и королевство Людовика XI будет сокрушено. Однако смерть герцога Гиенского разрушает эти расчёты, и в ярости Карл начинает опустошительную войну. Кульминацией её становится знаменитая осада Бове, где горожане, воодушевлённые религиозным рвением и поддержанные королевскими войсками, наносят бургундцам унижительное поражение. Именно здесь, после жестокой резни в Неле, за герцогом окончательно закрепляется прозвание «Грозного» (*le Téméraire*). Эта неудача, с одной стороны, показывает неспособность Карла трезво оценивать обстановку, а с другой — обнаруживает глубокую ненависть, которую его жестокость и налоговый гнёт вызывают у подданных.

Далее автор подробно разбирает дипломатическую борьбу, в которой Людовик XI методично лишает Карла союзников. Король, не пренебрегая ничем — от подкупов до брачных комбинаций, — отрывает от герцога Бретань, Арагон и, что особенно важно, Швейцарские лиги. Повествование тома подробно освещает сложные переговоры, тайные сношения и открытые измены, показывая, как политическая изоляция Карла становится прямым следствием его высокомерия и неверности данному слову.

Одной из центральных сюжетных линий тома является вмешательство герцога в дела Германской империи. Завоевание Гелдерна и неудачная попытка получить королевскую корону во время пышной, но завершившейся унижением встречи с императором Фридрихом III в Трире, показаны автором как важнейший поворотный пункт. Именно здесь честолюбие Карла впервые сталкивается с непреодолимой стеной имперских интересов, а его пышность лишь возбуждает зависть и вражду. Немалую роль в нарастающей катастрофе играет и жестокий наместник герцога в Верхнем Эльзасе, Петер фон Хагенбах, чья тирания спланирует против Бургундии

разнородные силы — от швейцарских крестьян до имперских князей. Его показательный суд и казнь в Брейзахе становятся сигналом к общему восстанию и началом прямого военного конфликта со Швейцарией.

Особое место в томе занимает история затяжной и гибельной осады Нойса. Предпринятая по соображениям престижа и мести, она на целых одиннадцать месяцев лишает Карла свободы действий, истощает его казну и армию и, что самое главное, позволяет Людовику XI безнаказанно опустошать его владения и сколачивать против него коалиции. Эта осада наглядно демонстрирует авторскую мысль о том, что сам Карл, а не внешние обстоятельства, является главным виновником своих бед.

Параллельно де Барант подробно описывает беспощадное подавление внутренних врагов Людовиком XI. Гибель графа Арманьяка, изменнически убитого после сдачи Лектура, смерть его жены, процесс и казнь герцога Алансонского, отстранение и унижение старого короля Рене, а также суровые расправы с жителями Буржа — всё это создаёт образ короля, который не останавливается ни перед чем ради укрепления своей власти. Кульминацией этого ряда становится предательство и казнь коннетабля Сен-Поля. Де Барант с осуждением показывает, как Карл Смелый, нарушив все рыцарские обязательства, выдаёт королю своего старого союзника и друга в обмен на территориальные уступки. Эта измена становится нравственным падением герцога, от которого он уже не может оправиться.

Завершающая часть тома посвящена высадке английской армии во Францию и заключению Пиквиньского мира. Автор подчёркивает, что этот мир стал возможен не столько из-за силы Людовика XI, сколько из-за неспособности Карла выполнить данные англичанам обещания. Предоставленные самим себе, английские лорды и сам Эдуард IV, разочарованные в бургундском союзнике, предпочитают принять французское золото и удалиться. Для Карла это не просто военная неудача, а крушение всей его многолетней политики, направленной на возобновление англо-бургундского союза против Франции.

Однако, потерпев неудачу на западе, герцог с ещё большим ожесточением обращается на восток — против Лотарингии и Швейцарии. Завоевание Лотарингии, взятие Нанси, пышное вступление в столицу нового владения кажутся последним торжеством. Но уже в этом торжестве зреет катастрофа. Де Барант подробно описывает, как оскорбления, наносимые швейцарцам и их союзникам, выводят из терпения самые воинственные общины Европы. Объявление войны, стремительное вторжение швейцарцев в земли графа Ромона и Савойю, паника и разорение бургундских пограничных земель, — всё это звучит в повествовании предвестием будущих великих поражений при Грансоне и Мора.

Таким образом, десятый том — это рассказ не только о войнах и переговорах, но и о нравственном состоянии власти. Автор постоянно сопоставляет двух государей: Людовика XI — осторожного, двуличного, но умеющего подчинять страсти расчёту, и Карла Смелого — гордого, отважного, но ослеплённого собственным могуществом. Победа остаётся не за тем, кто сильнее в бою, а за тем, кто лучше понимает людей и обстоятельства. Поэтому, несмотря на отдельные военные успехи Карла, всё повествование проникнуто ощущением неотвратимой развязки.

Том завершается на пороге последнего акта трагедии: герцог, уверенный в лёгкой победе над «горными мужиками», собирает армию, чтобы двинуться против Швейцарии. Его ослеп-

ление достигло предела, и читатель, вместе с автором, уже предчувствует, что впереди не слава, а гибель.

Книга четвёртая
Герцог вступает во Францию. — Осада Бове.
— Опустошения в Нормандии. — Перемирия.
— Завоевание Гелдерна. — Свидание герцога
с императором. — Конец графа Арманьяка. —
Война в Руссильоне. — Поездка герцога в Эльзас
и Бургундию. — Союз короля со швейцарцами.

В то самое время, когда брат короля умирал, герцог Бургундский находился в Аррасе, и никогда ещё дела его не казались столь процветающими. Он собрал великолепную армию: она была готова вторгнуться в королевство. Все принцы Франции признавали его вождем лиги, которая должна была наконец сокрушить короля. Герцог Никола Калабрийский, с тайного согласия своего деда короля Рене, именно в этот момент прибыл к нему, чтобы заключить союзный договор и просить руки его дочери; тем самым он разрывал обязательства, взятые перед королём, и даже взаимное обещание брака, которым обменялся с госпожой Анной Французской. Король Англии был расположен прислать ему мощную помощь. Наконец, сам король Людовик, утраченный столь грозными приготовлениями, уже несколько месяцев просил мира и предлагал унижительные условия. Не обнажая меча, герцог Карл мог вернуть города на Сомме и всё, что было у него отнято. Он не пожелал отвергнуть столь великие преимущества и наконец согласился подписать этот договор. Однако, по своему обыкновению соединяя притворство с силой, он надеялся, что мир, если и приостановит ненадолго его великие замыслы, то вскоре сделает их успех более лёгким. Сеньор де Кенже, отправленный принять клятву короля, должен был затем поехать к герцогу Бретонскому и, согласно обещаниям, данным при подписании договора, объявить ему, что герцог Бургундский отказывается от союза с ним. Но при этом после находился простой конюшенный гонец, везший тайные письма, которые должны были быть вручены ему лишь в Нанте — настолько герцог опасался, что сеньор де Кенже поддастся на уговоры короля и выдаст его тайну[1].

В этих письмах говорилось, что герцог Бретонский не должен удивляться миру; что союзы от этого нисколько не прекращают своего действия; что герцог Бургундский прежде всего хотел вернуть Амьен и города на Сомме; что теперь он отправит к королю новое посольство, дабы потребовать от него исполнения договоров Конфлана и Перонны по отношению ко всем принцам; что, дабы лучше к тому принудить, герцог откажется даже от мшеницы коннетаблю и графу Неверскому, которых король ему выдал; и наконец, что если эти условия не будут приняты, он немедленно вступит в королевство со своей армией.

В то время как герцог Бургундский поздравлял себя со своей ловкостью и гордо наслаждался выгодным положением, он вдруг увидел вернувшегося сеньора де Кенже с известием о смерти герцога Гиенского, которого во Фландрии и Бретани вовсе не считали опасно больным. Он узнал, что, как только король удостоверился в этой смерти, о договоре больше не было и речи. «Когда дичь поймана, нечего больше приносить клятвы», — сказал король насмешливо, нисколько не заботясь в первом порыве радости о том, чтобы щадить своего могущественного противника.

Ярость герцога Бургундского была невыразима: его перехитрили, и все его замыслы, казалось, рушились в самом основании. Перемирие, которое последовательно продлевалось, исте-

кало лишь 15 июня. Он не стал ждать этого срока, немедленно перешёл Сомму и вступил в королевство, поклявшись всё предать огню и мечу. Прежде всего он явился перед Нелем; город защищали пятьсот вольных стрелков из той же местности под началом капитана, известного под именем Маленький Пикардец. Они храбро оборонялись; не желая сначала и слышать ни о каких предложениях, они обстреляли герольда, явившегося с требованием сдачи, и убили его[2].

Однако гарнизон вовсе не был в состоянии обороняться, а жители не хотели подвергаться риску штурма. Уже на следующий день гарнизон и госпожа де Нель попросили вступить в переговоры с бастардом Бургундским, командовавшим осаждавшими. Вольным стрелкам была дарована жизнь, и, согласно условиям, они начали складывать оружие. Но поскольку всё происходило в большом беспорядке: с одной стороны, жители открывали ворота, с другой — несколько стрелков, не желавших сдаваться, убили ещё двух бургундцев, — всякая капитуляция была нарушена. Бастард Бургундский велел укрыть в безопасном месте госпожу де Нель и её слуг; осаждавшие ворвались в город; тогда началась ужаснейшая резня. Прибыл герцог, и всё стало ещё более жестоким. Капитан был вздёрнут на виселицу; вольным стрелкам отрубили кисти рук; жителей перебили; не щадили ни женщин, ни детей; дома подожгли; церковь была полна несчастных, искавших там убежища от ярости бургундцев, но и её не пощадили. Всех, кто там укрылся, перерезали. «Таковы плоды древа войны», — говорил герцог в гневе, делая вид, что мстит за смерть герцога Гиенского. Когда он въехал верхом в церковь и увидел её покрытой трупами, лежавшими в луже крови глубиной в полфута, он перекрестился и не удержался от слов: «Со мной добрые мясники, и вот прекрасное зрелище!» С этого дня герцог получил прозвище Карла Грозного.

Из Неля он двинулся к Руа. В городе стоял гарнизон из тысячи четырёхсот вольных стрелков и двухсот копий арьербана под началом сеньоров де Муи и де Баланы, губернатора Бове. Они были полны решимости обороняться. Крепость была сильна и хорошо снабжена; но вольные стрелки, уstraшённые тем, что произошло в Неле, отказались сражаться и, спустившись со стен, явились сдаваться бургундцам. Дворяне были вынуждены просить об условиях. Им сохранили жизнь, и они вышли безоружными, в одних камзолах, с палками в руках.

До сих пор герцог, гонимый жаждой мести, начал войну и нарушил перемирие, не объясняя причин и не посылая никакого вызова. Но вскоре он обнародовал манифест против короля. В нём говорилось о клятвах, которые король нарушил, о незаконных предприятиях, затеянных им против всех принцев королевства, о внезапном нападении, которым он захватил города на Сомме, о ложных обещаниях, данных его послами, и о заключённом ими договоре, который он отказался утвердить. Он напоминал о заговорах против собственной жизни, составленных по наущению короля бастардом Бодуэном и сеньором д'Арсоном. Наконец, он переходил к смерти герцога Гиенского, которая, как уверял и удостоверял герцог Бретонский, «была, — говорил он, — причинена ядами, чародейством, колдовством и дьявольскими заклинаниями, в чём брат Журдан Фавр, именуемый Версуа, и Анри де Ларош на суде признались и покаялись в Бордо пред архиепископом сего места, братом Роланом дю Круазиком, инквизитором веры, мэтром Николя д'Анти, бакалавром богословия, мэтром Жаном де Био, советником суда великих дней в Бордо, Пьером де Морвилье, хранителем печати герцога Гиенского, Луи Блуэ и Роже Лефевром, его докладчиками прошений, Жаном де Шассенем, председателем великих дней, и многими другими. Упомянутые Фавр и Ларош показали, что совершили это гнусное преступление по приказу короля, который дал им и обещал великие дары, поместья, должности и бенефиции, дабы совершить это отвратительное братоубийство над своим братом, виновным лишь в добродетелях, которые возбудили зависть названного короля и привели

его к самой жалостной смерти, какая только памятна в этом королевстве. И названные брат Журдан Фавр и Анри де Ларош вновь признались и покаялись в городе Нанте, упорствуя в своих прежних показаниях, что они отравили и околдовали герцога Гиенского по наущению и приказу короля таким образом, что последовала смерть; каковая смерть не может и не должна быть нами терпима и сносима; напротив, мы обязаны, как и все принцы и благородные люди, отомстить за неё и преследовать всех, кто был её причиной, и тех, кто пожелал бы им благоприятствовать, поддерживать и защищать их. Посему, приняв всё это во внимание, учитывая добрую и справедливую волю нашего брата Бретонского, который любил, чтит и почитал, как и надлежало, названного герцога Гиенского, и который, как и многие другие, с благородным и честным мужеством просил нас взяться за оружие, мы объявили и объявляем настоящим, что сверх прочих наших справедливых и разумных предприятий и тяжб мы принимаем и примем дело о смерти названного герцога Гиенского, дабы свершить над нею столь великое отмщение, сколько будет угодно Богу, как против короля, так и против всех, кто пожелал бы каким бы то ни было образом поддерживать его или благоприятствовать ему в его жестокости».

Эти письма были разосланы во все города[3] и владения герцога Бургундского, а также в несколько добрых городов Франции; но они никого не взволновали[4] и не прибавили ему ни одного сторонника — ни ему, ни делу принцев. Прошло то время, когда народы принимали сторону распрей великих сеньоров; помнили, что от этого жестоко страдали, не извлекая никакой выгоды; каждый видел, что речь идёт вовсе не об общем благе. Вольности и привилегии городов были утрачены; Генеральные штаты королевства больше не созывались; и вопреки праву и обычаю вводились новые и чрезмерные налоги без их согласия. Учреждение ордонансных рот было весьма благотворно, дав лучшую дисциплину воинам; но власть государей от этого стала гораздо больше[5]. Им лучше повиновались капитаны, получавшие или надеявшиеся получить от них всё своё достоинство, нежели сеньоры, за которыми следовали их вассалы и люди, связанные с их судьбой. К тому же эти столь хорошо вооружённые роты, обозы артиллерии, ставшие значительнее, чем прежде, деньги, необходимые для обогащения и сохранения верности этих капитанов и всякого рода слуг, армии, которые настолько умножились, — всё это новое положение вещей сделало неизбежной сумму расходов, дотоле неведомую. Государи уже не могли, как во времена герцога Иоанна, поднимать народ, обещая отменить эд и габель.

Поэтому жители городов и деревень оставались равнодушны к той ненависти, которую герцог Бургундский старался разжечь против короля. Не то чтобы его любили — далеко не так; вельможи, быть может, боялись его больше, но народ ненавидел ещё сильнее[6] из-за ужасного бремени налогов, которое он установил. Какую надежду, впрочем, можно было возлагать на герцога Бургундского, о котором знали, что он ещё более жесток, ещё более тираничен, к тому же лишён всякого благоразумия и рассудка, и который явился с огнём и мечом, чтобы всё опустошить в королевстве? Каждый город только и помышлял о том, чтобы радоваться, если он был далеко от военных опустошений, или как можно лучше защититься от них, если по несчастью был им подвержен; в остальном же принцам предоставляли взаимно приписывать друг другу самые гнусные преступления и жить без всякой заботы о своей чести или о своих народах, без всякого страха Божия.

Герцог решил перенести войну в Нормандию; путь его лежал через Бове. В его намерения не входило осаждать город[7]; однако авангард, которым командовал Филипп де Кревкёр, сеньор д'Эскерд, явился перед предместьем на дороге, идущей от Сен-Кантена. Город был безо всякого гарнизона; несколько дворян из арьербана вошли туда с сеньором де Баланьи после капитуляции в Руа. Жители не слишком доверяли своему губернатору, вернувшемуся к ним беглецом; но, зная о жестокостях, которые повсюду творили бургундцы, они с удивительным

мужеством решили защищаться против столь прекрасной и многочисленной армии. Они не пожелали даже вступать в переговоры с герольдом, которого сеньор д'Эскерд прислал к ним с требованием сдачи, и не подпустили его к стене ближе, чем на полёт арбалетной стрелы.

Город имел довольно крепкую ограду, но с той стороны, откуда подходили бургундцы, находилось большое предместье, церковь и дома которого примыкали к воротам, называемым воротами Улитки. Это предместье было плохо защищено небольшим фортом; сеньор де Баланьи с несколькими аркебузирами города вышел через потерну, перекинул доску через ров — ибо открывать ворота и опускать мост было бы слишком рискованно — и заперся в этом форте, чтобы дать время немного подготовиться к штурму. Там он оказал доблестное сопротивление. Когда держаться больше не было возможности, он отступил, раненный стрелой в бедро, и вернулся через потерну.

Тогда бургундцы рассыпались по предместью с криками «Город взят!» и принялись грабить дома. Во главе их стоял некий Жак де Монмартен, человек весьма жадный и великий любитель добычи. Но когда они подошли к воротам и увидели ров, стену и все городские укрепления, то поняли, что дело ещё не кончено. Они захватили сторожку привратников, выломали внешние ворота и воткнули свои знамёна на краю рва, в том месте, куда опускался подъёмный мост. Тем временем горожане подвезли кулеврины, аркебузиры разместились на стене возле опускной решётки, и по бургундцам начали вести частую стрельбу. Женщины, девушки, дети подносили камни для заряжания кулеврин и стрелы для аркебузирова, не боясь стрел бургундских лучников, сыпавшихся в таком изобилии, что стена была почти вся ими усеяна. Тот, кто водрузил бургундское знамя, был убит; и нападавшие поняли, что надо действовать с большей осторожностью. Люди сеньора де Монмартена засели в домах и в церкви, пробили в стенах бойницы и оттуда продолжали стрелять по всем, кто защищал ворота и вал, не причиняя им, впрочем, большого вреда.

Но не там была главная сила атаки; сеньор д'Эскерд с основной частью авангарда отправился штурмовать другие ворота. С этой стороны предместья не было, и бургундцы не имели укрытия в домах; поэтому было прекрасно видно, сколь они сильны и многочисленны. Жители не пали духом. Сеньор де Баланьи, несмотря на рану, обходил квартал за кварталом вдоль стены, убеждая горожан хорошо сопротивляться, обещая, что король наверняка не оставит их без помощи, поднимая их дух и говоря, что они будут почтены всем королевством.

В городе было много драгоценных реликвий, весьма чтимых жителями, но ни на одну из них они не уповали так, как на раку святой Ангадресмы. Она искони была покровительницей Бове, где родилась, и всегда хранила город от бед во время войн. Были даже люди, помнившие, как сорок лет назад, когда англичане и граф Арундел осаждали город, видели её явившуюся на стене в монашеском одеянии и своим заступничеством отогнавшую старинных врагов королевства. Её раку торжественно вынесли из собора и пронесли крестным ходом по стене, к месту этого страшного штурма.

Пыл горожан, далёкий от ослабления, возрастал с каждым мгновением; особенно удивительно было мужество женщин. Они поднимались на стену, чтобы подносить стрелы, порох и припасы. Сами катили большие камни и лили на нападавших горячую воду, растопленный жир и кипящее масло. Была там девушка по имени Жанна Лене[8], которая, будучи безоружной, вырвала знамя у одного бургундца в тот миг, когда он собирался водрузить его на стене.

На счастье жителей Бове, авангард сеньора д'Эскерда вовсе не готовился к осаде и рассчитывал на внезапный захват. У него не было необходимых машин и припасов; большинство лестниц оказались слишком короткими. Бургундцы, полагая успех лёгким, сражались скорее с отвагой, нежели с осторожностью.

Прибытие герцога, который, узнав о взятии предместья, рассчитывал найти город уже во власти своих людей, не сделало атаку ни менее яростной, ни более продуманной. Со свойственным ему нетерпением и упрямством он во что бы то ни стало хотел взять ворота силой и, под предлогом, что переправлять часть армии через небольшую речку, протекающую через Бове, было бы неосторожно, оставил свободной дорогу на Париж для подкреплений, которые могли прийти городу на помощь.

Правда, город, казалось, был близок к падению. У осаждавших ещё не было большой артиллерии; но с помощью двух кулеврин, которые сеньор д'Эскерд вёз с авангардом, ворота были сильно пробиты, и бургундцы сражались врукопашную с осаждёнными. Они уже готовы были ворваться через этот пролом, когда люди на стене догадались сбросить через машикули зажжённые фашины; они упали на головы нападавших и заставили их отступить. Огонь охватил ворота и решётку; вскоре всё под порталом запылало; чтобы войти в город, пришлось бы пройти сквозь горнило. Герцог ждал, когда ворота сгорят и откроют проход, но осаждённые заботились о том, чтобы поддерживать огонь дровами, которые жители выламывали в соседних домах и спешно подносили.

Бой шёл уже одиннадцать часов, и нападавшие не теряли надежды, а осаждённые не были сломлены постоянно возрождавшейся опасностью, как вдруг в восемь часов вечера послышался сильный шум конных людей, въезжавших в город: это были сеньоры де Ла-Рош-Тессон и де Фонтенай, спешившие со всем гарнизоном Нуайона. За ними ездил Жан де Реймс, сеньор де Тассерон; они выступили немедленно и проделали пятнадцать лье без остановки. Народ следовал за ними по улицам с криками: «Ноэль!» Они спешили и, не занимая жилья, оставив женщин заботиться о конях и поклаже, как ни были изнурены усталостью, поднялись на стену. По их советам и распоряжениям продолжали поддерживать огонь перед воротами, а позади возвели завал из брёвен и крупных камней.

Когда наутро герцог Бургундский увидел между зубцами стены две или три сотни латников, гнев его был велик: он упустил добычу, которую считал уже верной. Однако он не хотел, чтобы она от него ускользнула. Хотя это предприятие сначала не входило в его замыслы, теперь, когда оно было начато, он счёл бы для себя великим позором его оставить. Он велел подойти остальной части армии; были вырыты глубокие траншеи, чтобы укрыться от выстрелов осаждённых; с выгодой разместились в домах и садах предместий. Прибыли большая артиллерия, боевые припасы, обозы. Повозки растянулись по дороге почти на пять лье — столь великолепны были обозы этой армии.

Но тем временем прибывали и подкрепления к осаждённым. Уже на следующий день, 28 июня, вошёл маршал Руо со ста копьями. 29-го прибыли маршал Пуату и сенешаль Каркассона со своей ротой; рота Гастона дю Лиона, сенешаля Тулузы; сеньор де Торси с дворянами Нормандии; его кузен сеньор д'Эстутевиль, прево Парижа, с дворянством города и его округа; бальи Санлиса, лейтенант роты графа де Даммартена; капитан Саллазар со ста двадцатью латниками: то был гарнизон Амьена, которому доблестное сопротивление жителей дало время подойти. Теперь город весь был охвачен ликованием и славой; на улицах и площадях были расставлены столы, вдоль домов выбиты днища бочек. Казалось, не жалели ничего, чтобы

чествовать воинов, пришедших защищать Бове от страшной мести герцога Бургундского. А он поклялся разграбить город, сжечь его, всё предать огню и мечу.

Теперь предстояла уже не внезапная атака и не штурм, а осада по всем правилам. Ни один город не подвергался столь жестокому артиллерийскому обстрелу; никто больше не смел показываться на стене. Но благодаря мудрым распоряжениям маршала Руо всё было готово к отражению штурма, откуда бы он ни был предпринят. Сеньор де Ла-Рош-Тессон и доблестный гарнизон Нуайона непременно хотели удержать пост у сгоревших ворот, который они обороняли две ночи и один день без смены. Им оставили эту честь. Тщательно следили за тушением пожаров, которые зажигали бомбарды осаждавших; некоторые из них были ужасны, и даже опасались, не примешалось ли к ним тайное предательство. Но горожане проявляли не меньше усердия в тушении огня, чем при обороне валов. Раку святой Ангадресмы снова отнесли к пожару епископского дворца, который был самым большим. Денно и ночью женщины, дети, старики, больные стояли на коленях, молясь и стеная перед мощами этой святой покровительницы. Тем временем гарнизон и горожане стерегли ворота, чинили проломы и старались огнём и артиллерией выбить осаждавших, засевших в домах, слишком близких к валу. Их вынудили покинуть многие занятые ими посты и заставили отодвинуть свои укрепления. Каждый день из Парижа беспрепятственно прибывали мука, вино, порох, кирки, лопаты, мотыги, а также землекопы и другие работники.

Когда бургундцы обстреливали город уже неделю и в стене была пробита довольно широкая брешь, герцог решил отдать приказ о штурме; он один был такого мнения, и ни один из его капитанов не считал предприятие разумным. Гарнизон был теперь столь многочислен, что, по словам всех сведущих в войне людей, его хватило бы на оборону не то что стены, а даже живой изгороди вокруг поля. Однако воля их господина была непререкаема: он никогда не слушал ничего, кроме собственной мысли, и штурм был назначен на следующий день, 9 июля. Он сам надзирал за всеми приготовлениями, и когда велел поднести большие кучи фашинов, чтобы завалить ров, его брат, великий бастард Бургундский, сказал ему: «Незачем: тела наших людей скоро сами его наполнят»; но ничто не могло отвлечь его от замысла. Когда он всё устроил на завтра, то вернулся в шатёр и бросился одетый и почти вооружённый на походную кровать; ибо никто не был суровее к самому себе и неутомимее: он всегда ложился последним и вставал первым во всей армии[9]. «Верите ли вы, — сказал он окружающим его слугам, — что те, кто внутри, ожидают завтрашнего штурма?» — «Да», — отвечали они в один голос. Он принял этот ответ с насмешкой и возразил: «Завтра вы там никого не найдёте». Он настолько исполнился собственной воли, что ему казалось, будто, отказываясь верить истине, когда она была ему не по нраву, он тем самым повернёт обстоятельства по своей фантазии.

Гарнизон действительно был так хорошо подготовлен к отражению штурма и так мало застигнут врасплох, что ещё 2 июля сеньор де Рюампре отправился в Париж сообщить сеньору де Гокур, наместнику короля, что герцог Бургундский хочет сыграть в отчаянную игру, дабы взять Бове, и, без сомнения, рискнёт большей частью своих людей, лишь бы не отказываться от своего предприятия. Тогда город отправил под началом бастарда де Рошшуара новый обоз с лёгкой артиллерией, арбалетами и стрелами всякого рода. Шестьдесят парижских арбалетчиков также отправились усилить гарнизон.

Штурм начался в семь часов утра; бургундцы навели мост через ров и отвели часть воды из небольшой речки, наполнявшей его. Они атаковали оба ворота и участок стены между ними. Они выказали великую дерзость и пыл; у осаждённых мужества было не меньше; они стреляли так часто, что нападавшие не успевали даже сбросить в ров принесённые фашины. Женщины

были столь же отважны и усердны, как при первом штурме. Они подносили на стену стрелы, камни, негашёную известь, растопленный жир, кипящее масло, горячую золу и всё, что служило для метания в осаждавших. Они также раздавали сражавшимся кувшины с вином, черпая его из бочек, поставленных и открытых у подножия стены; собирали стрелы и арбалеты бургундцев, чтобы лучники могли отсылать их обратно.

Раку святой Ангадресмы снова принесли и поставили на стену: осаждавшие изо всех сил стреляли по ней; одна из их стрел вонзилась в неё. Её там и оставили как славное свидетельство помощи, полученной городом от своей святой покровительницы.

Сколь ни было сильно сопротивление воинов и жителей, нападавшие проявили такую отвагу, что добрались до стены и водрузили на ней три знамени. Это был для них славный подвиг, но бесполезный; брешь обороняли так хорошо, что их отбросили, а знамёна сорвали. Наконец, после трёх часов жесточайшего штурма и потеряв убитыми и ранеными тысячу или полторы тысячи человек, бургундцы остановились. Сам герцог, державший в резерве другой отряд, чтобы сменить первый и возобновить атаку, видя, что надежды на успех нет, приказал отступать. К великому сожалению жителей и осаждённых, терявших мало людей и полагавших, что чем дольше продлится атака, тем больше будет перебито бургундцев.

На следующий день гарнизон предпринял вылазку: ворота со стороны осады были замурованы и забаррикадированы; приходилось выходить через Парижские ворота и делать большой обход. Капитан Саллазар, командовавший вылазкой, получил раненого коня; порядка в этом предприятии было мало. Всё же проникли в артиллерийский парк бургундцев; сеньор Жак д'Орсон, великий магистр артиллерии герцога, был смертельно ранен. Большую железную пушку, на которой было выгравировано имя Монлери, сбросили в ров, а назавтра верёвками втащили в город. Новых вылазок, однако, не предпринимали: неудобно было иметь выход лишь через одни ворота.

Наконец герцог додумался до первой предосторожности, которую должен был принять с самого начала и которая дала бы ему взятие города, если бы он с неё начал: он захотел перейти реку, обложить всю ограду и заблокировать Парижские ворота. Но теперь время было упущено. Тем не менее он непременно этого хотел, и его капитанам стоило большого труда убедить его, что это, напротив, значило бы подвергнуться новой опасности. Гарнизон был слишком многочислен. Король отовсюду слал подкрепления. Париж выставил три тысячи человек. Руан, Орлеан, все города окрестных земель присылали обозы с продовольствием; его было в избытке. Со всех сторон прибывали плотники и каменщики, добровольно оплачиваемые посылавшими их городами. Приближались коннетабль и граф де Даммартен. Словом, не было никакой возможности взять город, ради которого всё королевство, казалось, пришло в движение — столь великое восхищение вызвало прекрасное поведение жителей.

Герцог провёл перед Бове ещё семь или восемь дней, не в силах признать себя побеждённым или оставить предприятие, с которым связал всю свою гордость. Он попытался прибегнуть к хитрости и предательству. Люди, переодетые крестьянами или лодочниками, были за большую плату посланы в город, чтобы поджечь его. Их разоблачили и казнили.

Наконец, 22 июля, после двадцати четырёх дней осады, в ясную ночь, без труб, бургундская армия, уже начинавшая терпеть недостаток в продовольствии, снялась с лагеря в добром порядке и двинулась в сторону Нормандии, сжигая и опустошая всё на своём пути, чтобы отомстить за полученное оскорбление. Перед уходом герцог обнародовал новые письма против

короля, в которых ещё более оскорбительными словами упрекал его в смерти герцога Гиенского. Приводя как предлог для своего отступления письма герцога Бретонского, он заканчивал тем, что по просьбе этого государя и дабы свершить более скорое отмщение над королём, продолжает свой путь, «хотя мы и положили было осадить и окружить со всех сторон сей город Бове, дабы заполучить по нашему желанию и воле находящихся в нём в большом числе воинов, каковое дело было бы нам легко теми средствами, кои мы измыслили».

Король, при первом известии о вступлении герцога Бургундского во Францию и о взятии Неля и Руа, прежде всего упрекнул коннетабля в том, что тот, согласно его приказу, не велел скрыть эти две крепости; ибо намерение его состояло в том, чтобы как можно скорее завершить свои дела в Гиени, а затем и в Бретани, если возможно, предоставив герцогу тем временем продвигаться вплоть до Компьеня. Этот город, по замыслу короля, надлежало тщательно укрепить и снабдить многочисленным гарнизоном, дабы надолго задержать врага и не дать ему пройти дальше. Как только он узнал о резне и опустошениях, чинимых бургундцами, он, однако, поспешил отправить войска в ту сторону.

«Господин великий магистр, — писал он Даммартену, — я был извещён о том, как во время перемирия герцог Бургундский взял Нель и перебил всех, кого нашёл внутри; каковую вещь я весьма желаю отомстить. И посему я велел вас известить, дабы, если вы найдёте средство отплатить ему тем же в его стране, вы сделали бы это повсюду, где сможете, ничего не щадя. Я крепко надеюсь, что Бог поможет нам отомстить, принимая во внимание убийства, которые герцог Бургундский велел совершить как в церкви, так и в других местах, над людьми, имевшими безопасность и доверие по условленным условиям. Анжер, 19 июня 1472 года».

Даммартен отправился именно в Компьень. «Храните его хорошо, — писал король, — это добрая крепость; те же, которые невозможно удержать, надлежит разоружить, дабы воины там не погибали. С Божьей помощью и помощью Богоматери мы всё потом вернём. Господин великий магистр, прошу вас подумать о средстве нанести добрый удар по герцогу Бургундскому, если сможете встретить его в выгодном для вас положении. Я надеюсь действовать со своей стороны столь усердно, что вы увидите: если я там долго пробыл, то не бездельничал; и думаю, с Божьей помощью, скоро закончить и прийти вам на помощь. В Плесси-Масе[10], 1 июля 1472 года».

Осада Бове всё же не заставила его покинуть пределы Анжу и Бретани; но он ничего не упустил для спасения этого города. Повсюду он рассылал приказы о помощи городу и не забывал хвалить и поддерживать доброе мужество жителей и гарнизона.

«Господа капитаны, — говорилось в его письме к начальникам, защищавшим Бове, — я расположился здесь, в трёх лье от герцога Бретонского; сенешаль Бокера[11] привёл мне около пяти тысяч бойцов, и не пройдет четырёх дней, как мы увидим, скажет ли герцог Бретонский, что я трус.

Я отправил в вашу сторону сенешалей Гиени и Аженуа, сеньора де Ла Моранде, Жана дю Фу с его людьми и сеньора де Волю с четырьмя тысячами вольных стрелков; я написал также господину де Гокуру, председателю счётной палаты, горожанам Парижа, а равно и Руана, чтобы они прислали как можно больше продовольствия, дабы, если герцог Бургундский пожелал бы осадить город с двух сторон, у вас было его достаточно; если он это сделает, прошу вас держаться как можно лучше.

Я написал брату моему коннетаблю и пишу ещё, чтобы он вывел всех воинов, находящихся в крепостях Амьена и Сен-Кантена, не оставив ни одного, и вывел бы их в поле, дабы отрезать бургундцам продовольствие; и посему прошу каждого по своему посту приложить к тому все возможные старания, ибо, если им перерезать подвоз, он будет вынужден снять осаду.

Надеюсь, с Божьего соизволения, скоро покончить со своей стороны и немедленно двинуться к вам и приведу достаточно людей. Пуансе, 21 июля 1472 года».

В другой раз он писал: «Я написал во все места, где, как мне известно и ведомо, можно достать плотников, и их поспешно отправят в Бове; уже вчера я встретил на дороге восьмерых и тотчас велел им отправляться».

Когда наконец король узнал, что осада Бове снята, он дал волю радости и благодарности к верным и доблестным жителям. Прежде всего он дал обет не есть мяса до тех пор, пока не будет изготовлено из серебра изображение города наподобие Бове весом в двести тысяч марок, чтобы принести его в дар по обету. Никакой расход не казался ему столь неотложным. Он писал своим казначеям оплатить его прежде всех прочих, даже прежде военных расходов, хотя и в них имел великую нужду; но он не мог не исполнить обета, ибо находился так близко от герцога Бретонского, что боялся, как бы из-за этого его дела не пошли хуже. Однако он не забывал наказывать, чтобы следили за правильным употреблением этих денег и чтобы ничего не было потеряно.

Он не преминул всячески наградить и почтить «сих горожан Бове, которые столь добродетельно и столь неуклонно, нисколько не страшась, не колеблясь и не шатаясь, в течение трёх недель выдерживали приход и свирепость незаконного вооружённого скопища, которое Карл Бургундский со своими приверженцами и сообщниками привёл безрассудной силой в виде осады; которые до и после прибытия капитанов и военачальников денно и нощно отражали приступы сих бургундцев и сопротивлялись до самой смерти, не щадя ничего, жертвуя жизнью и добром, жёнами и детьми». Они получили привилегию владеть и держать дворянские фьефы с освобождением от арьербана; мэр и пэры-эшеваны города отныне избирались свободно горожанами и имели право, когда сочтут нужным, созывать общее собрание жителей для обсуждения своих интересов. Кроме того, город был объявлен свободным от всякого налога, установленного или могущего быть установленным королём и его преемниками на содержание воинов или по любой иной причине. Сохранялись, однако, сборы с леса, рыбы, скота с раздвоенным копытом, а также с вин и уксусов, которые всё же были уменьшены с четверти до восьмой части продажной цены.

По указу и с согласия жителей была учреждена процессия в память о штурме в годовщину 27 июня. Уже этот город ежегодно совершал другую процессию славной памяти — в знак того, что в день Троицы 1433 года изгнал англичан из одних ворот, которые они захватили врасплох. Год спустя король повелел также, чтобы в память о добродетели и отваге, превосходящей женский пол, которую женщины и девушки Бове явили, поднимаясь на зубцы и на стену и прилагая руки к делу для отражения штурма бургундцев, женщины впредь шли первыми, сразу после духовенства, в процессии святой Ангадресмы, чьё заступничество было особо обязано их молитвам и их просьбе вынести её раку крестным ходом на стену. Они получили также привилегию в день свадьбы и всякий раз, когда им заблагорассудится, облачаться и украшаться такими платьями, уборами, драгоценностями и украшениями, какие им понравятся, и никто не мог на основании какого-либо закона о роскоши порицать, укорять или осуждать их, каково бы ни было состояние и положение каждой.

Среди этих доблестных горожанок Бове Жанна Лене, которую предание называет Жанна Ашет, осталась знаменитой, и в церкви якобинцев долго показывали бургундское знамя, вырванное ею со стены в самый разгар штурма. Король выдал её замуж за горожанина по имени Колен Пилон и освободил их и их потомков от всякой подати, установленной или могущей быть установленной, а также от службы по охране ворот и городской стражи.

Герцог Бургундский беспрепятственно направился к Нормандии; армия его была сильна; одного арьергарда хватило бы, чтобы овладеть Бове, если бы гарнизон вышел оттуда слишком рано; маршал Руо даже сначала полагал, что снятие осады — лишь уловка. Однако как только стало видно, что бургундцы продолжают путь, коннетабль, граф де Даммартен и маршал Руо последовали за ними. Не вступая в бой, они перехватывали обозы, отрезали им продовольствие и стесняли их продвижение, в то время как герцог шёл вперёд без иной цели и твёрдо обдуманного замысла, кроме как всё опустошать. Он обратил в пепел всю богатую область Ко, велел разрушать деревни и замки, безуспешно явился перед Дьепом, который был одной из сильнейших крепостей королевства, подходил также к воротам Руана и провёл там четыре дня без всякой надежды войти. Мэтр Гийом Пикар, сборщик финансов в Нормандии, велел вырыть рвы и возвести укрепления, делавшие город безопасным. К тому же Даммартен всё время держался достаточно близко к герцогу, чтобы помешать ему что-либо предпринять. Его армия начинала страдать от нехватки продовольствия; в ней свирепствовали болезни; он каждый день терял кого-нибудь из лучших слуг — то от заразы, то от ран, полученных в непрерывных стычках, стойвших больше людей, чем сражение. Жалованье не платилось; все начинали роптать; его суровость не способствовала ни терпению, ни тому, чтобы придать воинам мужества переносить лишения. Даже его пример не мог их утешить. Хотя ему самому было всё равно, что он плохо одет, плохо накормлен, без отдыха и сна, ему следовало бы выказывать своим слугам хоть немного мягкости и расположения и привязывать их к себе добрым словом.

Именно тогда он потерял одного из самых мудрых и умелых своих людей — сеньора Филиппа де Коммина. После пероннского приключения тот принадлежал больше королю, чем герцогу. Быть может, в тот момент он оказался в опасности из-за раскрытия какой-то тайной и преступной переписки[12]. Как бы то ни было, этот холодный и благоразумный человек всё более уставал служить господину, лишённому рассудка и размышления, и счёл более соответствующим своим интересам и склонностям отдаться государю, который искал достойных людей и умел вознаграждать их не только платой, но и давая им удовлетворение видеть себя узанными и оценёнными по достоинству. Кроме того, при бургундском дворе ходил слух, что сеньор де Коммин хранил крайнюю обиду за один случай грубости, какие герцог слишком часто позволял себе по отношению к своим слугам[13]. Рассказывали, будто однажды, вернувшись после охоты, сеньор де Коммин, изнемогая от усталости, первым вошёл в комнату своего господина и бросился одетым на кровать; когда герцог пришёл ложиться, он обнаружил, что его камергер, вместо того чтобы ждать его, заснул. Это показалось ему великим непочтением. «Погоди, — воскликнул он, — я сниму тебе сапоги, чтобы тебе было удобнее», — и, стащив с него сапог, швырнул его ему в голову. Отсюда и пошло прозвище «голова с сапогом», под которым сеньор де Коммин был известен при дворе. Это бегство было не из малых потерь герцога. Памяти его оно в будущем повредило ещё больше, чем его выгодам в настоящем, из-за прекрасных рассказов, которые написал сеньор де Коммин, и суждений, высказанных им о государях своего времени с таким размышлением и мудростью, что потомство почти целиком их приняло.

Все опасения капитанов бургундской армии сводились к тому, как бы их герцог не оказался настолько безумен, чтобы перейти Сену и замыслить поход на соединение с герцогом Бретонским; если бы он на это решился, он погиб бы без всякого спасения. Но поскольку он назначил бретонской армии встречу под Руаном, то счёл своё слово достаточно исполненным, проведя несколько дней под стенами этого города; и он написал герцогу Бретонскому в следующих выражениях...

« Mon bon frère, je me recommande à vous de très-bon cœur. J'avais un certain espoir, ayant marché jusqu'à Rouen, d'en profiter, du moins pour avoir passage ; mais toute la puissance des ennemis étant en cette frontière, où est le grand-maître, de la loyauté duquel je n'ai aucun doute, la chose n'a pu encore avoir d'effet. Je ne sais ce qui va s'ensuivre. Voyant cela, je leur ai donné matière de penser ailleurs, et j'ai pris ici mon camp entre Rouen et Neufchâtel, à l'intention toutefois d'y revenir au plus tôt. Sinon, j'exploiterai la guerre en un autre quartier plus dommageable aux ennemis, et ferai tout ce qui me sera possible pour les éloigner de votre marche. Mes gens de guerre de Bourgogne et de Luxembourg font bien leur devoir en Champagne. J'ai su aussi que vous faisiez bien de votre côté, dont je suis très-joyeux. J'ai brûlé tout le pays de Caux de façon qu'il ne nuira de longtemps à vous, à nous, ni à d'autres, et ne me départirai point des armes sans vous, comme je suis certain que vous ne le ferez pas sans moi ; mais je poursuivrai l'œuvre commencée selon vos avis et remontrances au plaisir de Notre-Seigneur qui vous donne bonne et longue vie avec fructueuse victoire. Écrit à mon camp, près Boscise, le 4 septembre. Votre loyal frère,

« CHARLES. »

« Мой добрый брат, от всего сердца препоручаю себя вам. Я питал некоторую надежду, дойдя до Руана, извлечь из этого пользу, по крайней мере получить проход; но так как вся сила врагов находится на этой границе, где стоит великий магистр, в чьей верности я нисколько не сомневаюсь, дело пока не могло иметь успеха. Не знаю, что за сим последует. Видя это, я дал им повод думать о другом месте, а сам расположился лагерем между Руаном и Нёфшательем, с намерением, впрочем, как можно скорее туда вернуться. Если же нет, я буду вести войну в другом краю, более ущербном для врагов, и сделаю всё возможное, чтобы отвлечь их от вашего пути. Мои воины из Бургундии и Люксембурга исправно делают своё дело в Шампани. Узнал я также, что вы хорошо действуете со своей стороны, чему я весьма рад. Я сжёг всю область Ко, так что она долго не сможет вредить ни вам, ни нам, ни другим, и не сложу оружия без вас, как уверен, что и вы не сделаете этого без меня; но продолжу начатое дело по вашим советам и наставлениям, к удовольствию Господа нашего, дарующего вам добрую и долгую жизнь с победой, приносящей плоды. Писано в моём лагере, близ Босиз, 4 сентября. Ваш верный брат,

« КАРЛ ». »

Вскоре после этого герцог решил вернуться в Пикардию и Артуа, где коннетабль сжигал его города и опустошал его владения столь же жестоко, как сам он поступал с Нормандией. Тем не менее герцог всё ещё питал тайную надежду обещаниями вернуть коннетабля или войной принудить его покинуть сторону короля.

Покидая Руан, он продолжал всё сжигать на своём пути и даже полностью разрушил город Нёфшатель. Едва он удалился, как королевские войска без труда отбили Э и Сен-Валери — единственные города, которые он удержал и где оставил гарнизон. При отступлении его беспрестанно тревожили Даммартен и коннетабль, которые уклонялись от сражения, но изматывали стычками его армию, уже ослабленную голодом и болезнями.

Такие же опустошения происходили по всем границам Франции и Бургундии. Граф де Руси, сын коннетабля, командовал в Верхней Бургундии; он захватил графство Тоннер, продвинулся к Труа и разорил значительную часть Шампани. Граф де Ромон, брат герцога Савойского, находился в Оксерруа и выказывал не меньшую жестокость.

Король полагал, что все эти бедствия легко поправятся, как только он одержит верх, и старался лишь покончить с герцогом Бретонским. Армия его была сильна, но он пользовался ею больше для угроз, чем для сражений. Он продвигался без спешки, захватывая, впрочем, Шантосе, Ансени, Машкуль, и подходил к Нанту, не встречая большого сопротивления. Вся его забота была о переговорах не столько с герцогом Бретонским, сколько на самом деле с сеньором де Лескеном.

Уже много лет он считал, что не следует ничего жалеть ради приобретения услуг человека столь искусного и столь могущественного в Бретани. На сей раз он решил дать ему столько и возвысить его настолько, чтобы тому было выгодно оставаться верным и не плести больше ни лиг, ни заговоров. Он полагал, что, когда сеньор де Лескен станет таким образом его слугой на прекрасных условиях, можно будет положиться на его верность. К тому же он считал его человеком чести и добрым французом, потому что во всех заключённых союзах и во всех предприятиях против короля тот никогда не допускал, чтобы под каким бы то ни было предлогом англичан призывали в королевство. В тот момент у герцога Бретонского не было иного средства к спасению, кроме как молить их о помощи; многие из его советников живо к тому побуждали; и после смерти герцога Гиенского он беспрестанно отправлял посольства к королю Эдуарду, прося его высадиться во Франции. То же делал и граф Арманьяк, который продолжал более чем когда-либо сеять смуту и опустошение в Гаскони. Уже сеньор де Дюра высадился в Бресте с двумя тысячами лучников. Именно этот страх увидеть англичан, высаживающихся крупными силами в Бретани или Гиени, удерживал короля в Анжу и Пуату и внушал ему столь живое желание договориться.

Ненависть сеньора де Лескена к старинным врагам королевства была, таким образом, средством к сближению с королём. Сеньор де Супленвиль и Филипп Дезессар, сеньор де Тьё, советники герцога Бретонского и люди, всецело преданные господину де Лескену, вели переговоры. 15 октября было подписано перемирие на шесть недель. Король возвратил все взятые им города, кроме Ансени, а герцог обязался, чтобы англичане не совершали никаких военных действий. Герцог Бургундский и герцог Калабрийский могли по своему желанию быть включёнными в это перемирие, причём их отказ никоим образом не должен был менять условленного с герцогом Бретонским. «Если это перемирие вам выгодно, — писал король Даммартену и коннетаблю, — соблюдайте его; если же нет, велите его обнародовать, не считайтесь с ним и говорите, что это бургундцы его нарушили».

Однако переговоры с сеньором де Лескеном ещё не были окончены. Его послы — ибо Супленвиль и Дезессар были гораздо более людьми его, нежели герцога Бретонского, — начали с того, что поставили собственные условия. Супленвиль получил обещание стать мэром Байонны и иметь пенсию в тысячу двести ливров, а также пожизненно превотство Дакс и сеньорию Сен-Север; он получил две тысячи экю наличными. Сеньор Дезессар получил управление водами и лесами Шампани, бальяж Мо, пенсию в тысячу двести франков, различные владения и десять тысяч экю.

Такому человеку, как сеньор де Лескен, нужны были иные выгоды, и главное — ничто не могло решиться между королём и им без личной встречи. Но Лескен питал большое недоверие.

Помимо дурной славы короля, его тревожили и могущественные враги, которых он имел при французском дворе. Особенно сильная и старая ненависть существовала между ним и Таннеги Дюшателем. Король, имевший большую нужду в обоих, не мог пожертвовать одним ради другого. Наконец, после множества посланий и непрестанных взаимных опасений быть обманутыми, король отправил сеньору де Лескену охранную грамоту, дабы тот прибыл к нему с сотней людей по своему выбору. Тем не менее, прежде чем пуститься в путь, сеньор де Лескен потребовал, чтобы король поклялся на кресте святого Лода, что не будет причинено никакого зла ни ему, ни его людям ни по пути туда, ни обратно. Главным предметом беспокойства для сеньора де Лескена и его сторонников был именно Таннеги Дюшатель.

«Господин губернатор[14], — писал ему король, — никогда ещё человек не испытывал такого страха, как Филипп Дезессар, когда узнал, что вы едете; и он просил нас, Бланшфора и меня, написать вам, чтобы вы, ради Бога, подождали до понедельника, пока он не уедет. Не знаю, вправду ли вы больны и потому повернули назад, или же разыгрываете со мной бретонскую хитрость из-за того, что Бланшфор и я сообщили вам, в каком положении находятся наши дела. Если вы больны, прошу вас, как только выздоровеете, приезжайте ко мне. Если же нет, приезжайте, прошу вас, немедленно.

Филипп Дезессар и Супленвиль предлагают продлить перемирие до дня Всех Святых будущего года, и что герцог Бургундский будет включён в него, если пожелает; они говорят, что сеньор де Лескен решится быть столь же моим слугой, сколь он был слугой покойного герцога Гиенского, и что он никогда не будет искать мне зла, но станет делать всё возможное добро. Вы понимаете, что я подписал бы это перемирие не иначе как с твёрдым намерением, и ради того, чтобы расстроить английскую армию на всё будущее лето».

Далее он говорил о сведениях, приходивших к нему с разных сторон, согласно которым следовало полагать, что бретонцы лишь ищут, как бы его обмануть и выиграть время. Он не слишком тому верил, ибо некоторые из подателей советов были людьми неразумными. Однако, по его словам, он всё же их выслушает.

«Господин губернатор, — продолжал он, — мне кажется, однако, что я могу продвигаться навстречу бретонцам до Лермано[15] и там, или поблизости, собрать весь свой совет, каждый день заниматься делами, предусматривать всё со всех сторон, как если бы я был вполне уверен, что меня хотят обмануть. Если они ведут переговоры по совести, я не потрачу труда даром; если же не хотят договариваться, я успею поправить всё, что возможно, и они найдут меня снабжённым несколько лучше, чем если бы я не держался настороже.

Итак, я желал бы вашего приезда по двум причинам: во-первых, чтобы принять решение обо всём этом, ибо мне очень хотелось бы, чтобы вы при том присутствовали; во-вторых, потому что сеньор де Лескен, дабы прибыть ко мне, хочет заставить меня поклясться на истинном кресте святого Лода, а я прежде хотел бы получить от вас заверение, что вы не устроите ему засады на пути. Ибо я не хотел бы подвергать опасности такую клятву, особенно после примера, который видел в этом году с герцогом Гиенским.

Прошу вас, если можете приехать, приезжайте. Я соберу свой совет в Фонтене, совсем рядом со мной. Если же не можете, сообщите мне, что вам кажется обо всём этом, а также, если я принесу клятву, будете ли вы её держаться.

Я как можно поспешнее отправляю артиллерию в Гиень против графа Арманьяка; и приказываю выдать вам грамоты на пожалованные мною конфискации».

Наконец господин де Лескен решился приехать, и условия его были великолепны. Он был назначен губернатором Гиени, капитаном замков Бордо и Блая; получил пенсию в шесть тысяч ливров, две тысячи ливров как адмирал Гиени и двадцать четыре тысячи золотых экю наличными; был сделан графом де Комменж, получил орден короля, а его брат — пенсию в тысячу двести ливров. Так человек, затеявший последнее предприятие против короля, вовлѣкший в него герцога Гиенского, ведший всё дело, направлявший переговоры, связывавший принцев всё новыми и более крепкими союзами, внезапно бросил замыслы, в которые втянул столь многих и столь великих людей[16]. А король со своей стороны почитал себя счастливым сделать из человека, желавшего и причинившего ему столько зла и только что провозгласившего его перед лицом всего христианского мира убийцей своего брата, одного из знатнейших сеньоров своего королевства. Сеньор де Лескен, однако, оказал герцогу Бретонскому столько добрых услуг, сколько мог, доставив ему хорошие условия. Перемирие было продолжено до 23 ноября 1473 года, и король возвратил все крепости, обязавшись уплатить герцогу шестьдесят тысяч ливров в течение двух лет.

Пока улаживались дела Бретани, война затихала и со стороны герцога Бургундского. Отступив, он начал опустошать владения коннетабля, то ли чтобы принудить его к переговорам, то ли чтобы отомстить ему. Коннетабль стал предметом всеобщей ненависти. Слуги короля и даже общий голос обвиняли его в непрестанной измене. Даммартен, маршал Руо и все капитаны Франции имели ещё и личную причину вражды — его высокомерие и наглость. Герцог Бургундский по своему нраву был в тот миг тем, кто ненавидел его всего сильнее. Коннетабль предал его; хотел принудить выдать за него дочь; сдал его города королю. Жители пограничных областей Пикардии и Франции винили его в том, что он первым, начав войну против герцога Бургундского, подал жестоко подхваченный пример сжигать и разорять города и селения. Теперь коннетабль горько жаловался, что с его сеньориями поступают так же. Оттого рос его гнев на герцога Бургундского; жаловался он и на графа де Даммартена, чьи войска были столь мало дисциплинированы, что разоряли его страну вместо того, чтобы защищать её.

Перемирие становилось необходимо обеим сторонам. И тем и другим обыкновенно требовалась зима, чтобы навести хоть немного порядка в армии и финансах. Начались переговоры. Коннетабль без всякой сдержки выказывал в них всю свою надменность и запальчивость; он до того не соблюдал меры, что на одной из встреч с бургундскими послами нанёс оскорбительнейший вызов Ги де Бримё, сеньору д'Имберкуру[17]. Этот благородный рыцарь, мудрейший из советников герцога, не выказал никакого гнева и холодно ответил: «Если я стерплю это оскорбление, не думайте, господин де Сен-Поль, что ради вашей чести; я делаю это из почтения к королю, от имени которого вы прибыли как посол, под защитой охранной грамоты, а также ради моего господина, которого я здесь представляю; но ему будет о том доложено». Сеньор д'Имберкур затаил глубокую обиду на того, кто посмел так с ним обойтись, и это слово, сказанное столь легкомысленно, дорого обошлось коннетаблю.

После многих трудностей и отказавшись от шестимесячного перемирия, коннетабль подписал пятимесячное, начиная с 3 ноября. Были приняты все меры, чтобы оно строго соблюдалось. С той и другой стороны на каждой границе были назначены хранителями перемирия самые могущественные лица Франции и Бургундии; по обычаю, именно им должны были передаваться все случаи нарушения и жалобы той или иной стороны. Было также сказано, что настоящее перемирие заключено с намерением прийти к миру; что, таким образом, с 1 декабря в

Амьене будет проведена встреча между людьми короля и людьми герцога Бургундского, дабы вести переговоры и беседовать о мире или, по крайней мере, продолжить перемирия и назначить другой день и другое место для дальнейших совещаний о мире.

Послы собрались не в Амьене; но в течение всего 1473 года действительно происходили продления перемирия и переговоры о мире. Если они и не были вполне искренними, то, по крайней мере, оба государя действительно желали отложить войну. Осада Бове и поход в королевство так плохо удались герцогу, что, по своему пылкому и гордому нраву, он почувствовал отвращение к французским делам. Не находя успеха с одной стороны, он бросался в другую, чтобы там его добиться, — в этом совершенно непохожий на короля, который всегда следовал одной и той же воле и, не упорствуя оставаться на прежней дороге, никогда не терял из виду поставленной цели.

К тому же герцог уже несколько лет помышлял прежде всего о Германии и искал лишь способа обезопасить себя со стороны короля, чтобы без страха начать свои великие предприятия. В этом он, конечно, дурно судил о короле, который, будучи прозорливее некоторых своих советников, вовсе не хотел чинить ни малейшего препятствия обширным замыслам герцога. Он полагал, что лучше всего отомстит ему, предоставив действовать; охотно даже немного помог бы ему, чтобы придать тому больше нетерпения и безрассудства. Он всё лучше научался узнавать повадки своего противника[18]. Помимо того что ум его был способен судить о них лучше, чем кто-либо, он извлекал большую пользу из рассказов искусных и разумных слуг, которых сумел отнять у герцога и привлечь к себе. Поэтому он думал, что этот государь, раз ввязавшись в германские дела, уже не сможет из них выпутаться и навлечёт на себя новую войну прежде, чем кончит первую. Тем временем король сможет уничтожить или усмирить врагов, которых имеет в королевстве, наказать людей, его предавших, привлечь на свою сторону мятежников или жестоко им отомстить и, наконец, всё прочнее утверждать свою власть.

Первое дело, призывавшее герцога к северу его владений, занимало его уже довольно давно. Речь шла о герцогстве Гелдерн. Арнуль, правящий герцог этой страны, как уже говорилось[19], в 1456 году вступил в союз с герцогом Саксонским против доброго герцога Филиппа, а его жена Екатерина Клевская покинула его, увезя с собой юного Адольфа, их сына[20]. С того времени в Гелдерне царили великие раздоры; герцог встречал в Нимвегене и среди части подданных постоянное неповиновение и открытый мятеж, поощряемые его женой и сыном, которых поддержка бургундского двора делала дерзкими против него. После жестокой войны между сыном, вставшим во главе жителей Нимвегена и Ванлоо, и отцом с жителями Рурмонда, которые были его главными сторонниками, принц Адольф получил как апанаж, под верховной властью отца, город и сеньорию Нимвеген. Он не сумел жить там в покое и, считая себя обиженным двумя слугами старого герцога, велел их обезглавить. Не чувствуя себя в силах, он бежал ко двору герцога Филиппа, затем совершил путешествие в Святую Землю и даже вступил там в рыцари ордена святого Иоанна Иерусалимского. По возвращении герцог Бургундский принял его ещё благосклоннее, сделал рыцарем своего ордена и женил на своей племяннице Екатерине Бурбонской, сестре графини де Шароле. Это было в 1463 году. По этому случаю его примирили с отцом; герцогиня Гелдернская, горячо державшая сторону сына, также помирилась с мужем.

Вся воссоединившаяся семья праздновала эту счастливую перемену большими и весёлыми торжествами в городе Граве. Никакое подозрение не проникало в душу старого герцога. Он только что удалился в свою комнату, оставив молодёжь и дам веселиться на пиру и на балу; вдруг в его дверь сильно застучали. «Дети, — сказал он, — я слишком стар, чтобы плясать,

дайте мне поспать». Двери выломали и вошли. «Вы пленник», — кричали люди, врывавшиеся в его комнату с обнажёнными мечами. «Не случилось ли чего с моим сыном?» — таково было его первое слово, ибо он очень любил сына, несмотря на их жестокие раздоры. В тот же миг вошёл этот сын. «Отец, сдавайтесь; так должно быть». — «Что ты делаешь, сын мой?» — только и ответил старый герцог. Это были люди из Нимвегена, которым герцогиня тайно велела открыть ворота города и дома. Его подняли и, посадив едва одетым на коня, без малейшего почтения отвезли в замок Бюрен; единственной милостью, полученной от жены и сына, было то, что его не заточили в Нимвегене, среди его жестоких врагов. Тогда вся страна признала власть герцога Адольфа, кроме Рурмонда, который объявил себя нейтральным между отцом и сыном.

Герцог Арнуль провёл шесть лет в суровом заключении: свет едва проникал в его башню, и порой видели, как сын сквозь решётку слухового окна, пропускавшего немного света, грозил старому отцу и выкрикивал оскорбления; так это изображено на прекрасной картине Рембрандта, написанной по хроникам того времени и преданиям страны. Между тем герцог Клевский, его шурин, сеньор д'Эгмонт, бывший с ним в родстве, и другие соседние государи вступились за него. Поэтому в герцогстве Гелдерн непрестанно шли войны — междоусобные и внешние. Император и даже папа старались положить конец столь великому соблазну. Герцог Бургундский часто прилагал к тому усилия, но не мог ничего добиться от герцога Адольфа, которому, впрочем, был довольно благосклонен. Наконец, побуждаемый негодованием всего христианского мира, он решил прекратить эту нечестивую распрю. Он повелел герцогу Адольфу выпустить отца из темницы и привезти его в Дуллан. Это было незадолго до того, как французский король захватил города на Сомме.

Герцог Адольф не посмел послушаться приказа своего единственного и могущественного покровителя. Старый герцог лично приехал принести жалобу и отстаивать свои права. Герцог Бургундский искренне старался заключить соглашение между отцом и сыном; но между ними была такая ненависть, что они не могли видеть друг друга без взаимных упрёков и оскорблений. Однажды даже, в покоях герцога Бургундского и перед его собранным советом, старый герцог бросил сыну перчатку. Тщетно мудрейшие люди речами и добрыми советами пытались смягчить столь чудовищную неприязнь — их не слушали. Предложения, которые делали герцогу Адольфу, были, однако, вполне приемлемы: герцог Бургундский предлагал ему стать опекуном, или правителем, Гелдерна, оставив отцу лишь титул герцога, город Граве с доходом в три тысячи флоринов и пенсию на такую же сумму. Именно на эти условия герцог Адольф восклицал: «Я лучше брошу отца в колодец головой вниз, а потом и сам брошусь, чем приму такой уговор. Он уже сорок четыре года герцог; пора прийти и моему черёду». Всё, что он мог уступить, — это пенсию в три тысячи флоринов, но с условием, чтобы отец никогда не ступал на землю герцогства.

Когда герцог Бургундский увидел, что герцог Адольф до такой степени ослеплён ненавистью и яростью, он решил договориться с отцом и начал вести с ним переговоры о наследстве Гелдерна. Но тогда уже надвигалась война с королём Франции; Амьен и Сен-Кантен были только что захвачены врасплох; у герцога были дела более неотложные, чем Гелдерн. Он покинул Дуллан и отступил до Арраса. Оба принца оставались при нём, но он пока не занимался их распрей и не давал им узнать свою волю. Герцог Адольф, заметив, что герцог благоволит уже не ему, решил больше не полагаться на его решение. Однажды вечером, когда герцог отправился в свой лагерь в Вайи, близ Арраса, он переоделся монахом-францисканцем и бежал, чтобы вернуться в Гелдерн. Герцог тотчас разослал по всем городам своих владений приказ схватить его. Проезжая по мосту в Намюре, он имел неосторожность заплатить за переправу флорин;

священник, находившийся на мосту, заподозрил неладное, внимательно всмотрелся в него и узнал. Его арестовали и по повелению герцога заточили в Намюрский замок, откуда он вышел лишь много времени спустя.

Среди всевозможных затруднений, занимавших герцога Бургундского, лишь 7 декабря 1472 года, по возвращении из Нормандии, он подписал договор, по которому герцог Арнуль передавал ему все свои права на герцогства Гелдерн и Зютфен за триста тысяч флоринов, с правом выкупа и с условием ещё пожизненно пользоваться половиной своих владений.

Последнее условие оказалось необременительным. Герцог Арнуль умер три месяца спустя, лишив сына наследства и признав Карла, герцога Бургундского, своим единственным наследником.

Прежде чем вступить во владение, герцог пожелал, чтобы права, на которые мог бы притязать герцог Адольф, были рассмотрены как бы судом. Поскольку тот был рыцарем Золотого Руна, его вызвали перед капитул ордена[21]. Торжество состоялось в Валансьене 3 мая 1473 года. Давно уже орден не нёс таких заметных потерь в промежутке между двумя капитулами. Герцогу предстояло заместить своего шурина Жака де Бурбона, сеньора де Шарни, Тибо де Нёфшателя, маршала Бургундии, Клода де Монтегю, графа д'Остревана, некогда супруга госпожи Жаклины де Эно, Жана, сеньора де Креси, и Жана де Круа, который долго был губернатором Люксембурга и который вместе со своим братом Антуаном, тем, кого называли великим графом де Круа, причинил герцогу столько огорчений. Так как в тот момент герцог приводил в порядок свои владения, которые только что объехал, чтобы всё приготовить для начала великих предприятий, он воспользовался случаем примириться с домом де Круа. Уже раньше он возвёл сеньорию Шиме в графство и с великой пышностью облёк этим титулом Филиппа де Круа, сеньора де Кьеврен. Его он и избрал рыцарем своего ордена вместо умершего отца. Среди новых рыцарей был также Жан, сеньор де Рюбампре, которому герцог вернул свою милость. В это же производство вошли сеньор д'Имберкур, граф Нассауский и граф де Марль, сын коннетабля. Герцог послал свой орден королю Арагонскому, который вёл тогда войну с французским королём ещё ожесточённое, чем прежде.

Герцога Адольфа не выпустили из темницы, чтобы он предстал перед капитулом своих братьев по ордену. Он мог защищаться лишь через поверенного; после некоторого разбирательства было доказано, что продажа герцогства Гелдерн и графства Зютфен законна и совершена по всей форме, равно как и завещание покойного герцога Арнуля; что, таким образом, герцог Бургундский по всей справедливости и когда сочтёт нужным может вступить во владение. Что же до герцога Адольфа, то за его жестокое нечестие перед собственным отцом он был осуждён окончить свои дни в темнице.

Собрав армию не менее прекрасную и не менее сильную, чем в предыдущем году, герцог Бургундский в начале июня вступил в своё герцогство Гелдерн[22]. Он надеялся встретить мало сопротивления. Герцог Юлихский, который мог предъявить справедливые притязания на герцогство Гелдерн и даже добился их признания императором, видя, что не сможет противостоять герцогу Бургундскому, продал ему свои права за восемьдесят тысяч флоринов. Города, всегда державшие сторону герцога Адольфа, меньше боялись бургундского могущества и попытались защищаться; Ванлоо сопротивлялся ему пять дней.

Ренье, сеньор де Брокхаузен, командовал в Нимвегене; под его охраной находились Карл и Филипп Гелдернские, малолетние дети герцога Адольфа, и он отстаивал их права за отсут-

ствием их пленённого отца. Он велел облачить в доспехи старшего, Карла, которому было не более восьми лет. Верхов на коне, с маленьким арбалетом в руке, ребёнок проехал по городу, ободряя жителей и гарнизон. Уже много лет именно нимвегенцы поддерживали сторону герцога Адольфа; он всегда находил у них помощь и убежище. Опасность не поколебала их твёрдости. Почти три недели они выдерживали суровую осаду. Грозная артиллерия герцога уже обрушила их ворота, башни и стены, а они всё ещё защищались. Шестьсот английских лучников, бывших вспомогательным отрядом бургундской армии, попросили вести их на штурм; то ли их плохо поддержали, то ли доблесть осаждённых была поистине неодолима, англичане почти все погибли в этой атаке, и их знамёна остались воткнутыми в проломе как трофей нимвегенцев. Но те не имели надежды на помощь; новый штурм отдал бы город на разграбление и сожжение; они приняли посредничество герцога Клевского, и 19 июля бургомистры и горожане пришли с непокрытыми головами и босыми ногами молить герцога Бургундского о пощаде. Он велел выдать ему зачинщиков сопротивления, даровал жизнь гарнизону, который сложил оружие, и обложил город большим штрафом. Дети герцога Гелдернского были ему выданы. Вскоре вся страна покорила без всякого спора; герцог прибавил это могущественное владение к своим обширным землям.

Но это было лишь первое начало его замыслов и высоких надежд. Теперь надлежало продолжать расширяться в Германии и стать господином берегов Рейна, так, чтобы эта река от графства Феррет и графства Бургундского до самой Голландии текла не иначе как под его властью. Он хотел, чтобы столько сеньорий и земель соединились в одно великое королевство. Ничто не было ему так дорого, как носить благородный титул короля[23], тогда как его отец, герцог Филипп, напротив, гордился тем, что не искал этой суетной пышности[24].

Уже несколько лет он вёл непрерывные переговоры с императором и Австрийским домом, чтобы добиться этой милости; он хотел быть королём римлян и имперским викарием. Выше уже говорилось, что он стремился к этому, заключая союзы и создавая себе партию среди князей империи, когда в 1469 году заключил договор с королём Богемии.

Средством снискать расположение Австрийского дома была прежде всего обещанная им вооружённая защита против швейцарцев; его послы не раз получали поручение уверять герцога Сигизмунда, что, как только дела Франции и Англии дадут ему возможность и досуг, он вооружится против Швейцарских лиг и вторгнется в их страну. Это была не единственная надежда, которой он льстил Австрийскому дому; он пользовался той же приманкой, что помогала ему соблазнять столь многих других государей, — браком своей дочери. Уже в 1470 году, когда герцог Сигизмунд приезжал в Эден заключать продажу графства Феррет, речь шла о браке Марии Бургундской с Максимилианом Австрийским, сыном императора Фридриха. Герцог продолжал поддерживать эту надежду и одновременно домогался викариата империи, возведения некоторых своих земель в королевство и титула короля римлян. Он давал Австрийскому дому понять, что такой союз упрочит его власть в Германии и сохранит за ним императорское достоинство; ибо, говорил он, после смерти Фридриха Австрийского императорская корона перейдёт к нему, герцогу Бургундскому, и ему будет легко сделать королём римлян своего зятя Максимилиана и обеспечить ему наследование империи.

Так герцог одновременно питал одной и той же надеждой Австрию, герцога Николая Калабрийского и герцога Гиенского, связывая себя больше или меньше с тем или другим в зависимости от нужды минуты. После смерти герцога Гиенского, пылая яростью против короля и желая во что бы то ни стало его погубить, он счёл, что ничто не послужит его замыслам мести лучше, чем привлечь на свою сторону Анжуйский дом, и в обещаниях герцогу Николаю

Калабрийскому, внуку короля Рене, зашёл дальше, чем с кем-либо из других искателей руки его дочери. Он держал его при себе почти во время всего похода во Францию и под Бове, обращаясь с ним как с признанным зятем. Он даже позволил ему провести месяц в Монсе, подле мадемуазель Бургундской, и согласился, чтобы принцесса подписала ему обещание брака. Оно было составлено в выражениях, хорошо показывавших намерение герцога привязать герцога Калабрийского к своей партии.

«Поскольку такова воля моего грознейшего государя и отца, в силу договоров, заключённых и скреплённых печатями между ним и вами, мой кузен, каковые вы исполните полностью; поскольку вы лично вернётесь к нему и останетесь с ним, не покидая его и не выезжая из его земель иначе как по его воле и согласию; поскольку ни под каким видом и предложением вы никогда не заключите за себя, своих подданных, свои страны и сеньории или те, что могут вам достаться, никакого перемирия, соглашения, мира или воздержания от войны без прямого дозволения и согласия моего названного государя и отца; поскольку без всякого обмана и хитрости вы вступите в войну всей своей силой и будете вести её усердно ради него; поскольку вы будете ему верны, добры, преданны и послушны и не причините ему ни ущерба, ни неудобств и не допустите, чтобы они были ему причинены; напротив, со всем усердием будете предупреждать его обо всём, что могло бы быть ему во вред, — я, мой кузен, обещаю вам, что, пока вы живы, у меня никогда не будет иного мужа, кроме вас, и ныне же я принимаю вас и обещаю взять вас в мужья, насколько, по воле Божией, могу это сделать; в Монсе, 13 июня 1472 года.

« МАРИЯ БУРГУНДСКАЯ ». »

Герцог Калабрийский, в свою очередь, подписал ей следующее обещание:

«Моя кузина, я принимаю условия и статьи, вами упомянутые и выше изложенные, и со своей стороны, с радостью и помощью Господа нашего, исполню и соблюду их полностью и верно; как я вам обещал и обещаю ещё, пока вы живы, у меня никогда не будет иной супруги или жены, и ныне же я принимаю вас и обещаю взять вас в жёны, насколько, по воле Божией, могу это сделать.

« НИКОЛАЙ ». »

Как только это взаимное обещание было подписано, герцог Калабрийский вернулся в лагерь герцога Бургундского и был свидетелем всех опустошений и жестокостей, которыми ознаменовались его вступление в Нормандию и возвращение в Артуа.

Но затем герцог, изменив виды, стал для своих новых замыслов нуждаться в Австрийском доме больше, чем в принцах Анжуйских, и обязательство, которое он заставил взять на себя дочь, его стесняло. Он устроил так, что, не порывая с герцогом Калабрийским, убедил его вернуть письменное обещание и положиться на его слово, уверяя, что обмануть хочет не его, а австрийцев. 13 ноября 1472 года обещание было объявлено ничтожным и недействительным; но надежды герцога Николая тем не менее тщательно поддерживались путём тайных переговоров[25].

В то время как герцог Бургундский только что вступил во владение герцогством Гелдерн, он освободился от всякой оглядки на Анжуйский дом и получил возможность открыто льстить Австрийскому дому столь желанным для него браком. Впрочем, герцог Николай умер довольно

внезапно в Нанси 13 августа, в возрасте двадцати пяти лет. И эту смерть многочисленные враги французского короля не преминули приписать отравлению[26].

Он был последним наследником мужского пола короля Рене. Иоланда, сестра его отца, вышла в 1444 году замуж за Ферри де Водемона, наследника младшей ветви Лотарингского дома. Долго оспаривая, как уже говорилось, герцогство у короля Рене, он наконец покончил эту старую распрю, женившись на дочери своего соперника. Она и её сын Рене де Водемон объявили себя наследниками покойного герцога Николая; таким образом герцогство возвращалось в Лотарингский дом через дочь Анжуйского дома.

Герцог Бургундский, видя себя в великом доверии у императора, вообразил, что сможет добиться от него одобрения всего, что предпримет в Германии; поэтому ему пришла мысль завладеть лотарингским наследством. Ни одна провинция не подходила ему лучше: она соединяла его герцогство Люксембург с графством и герцогством Бургундским и тем самым делала его обширные владения единым целым[27]. Для начала он велел схватить и держать в плену юного графа Рене де Водемона. В то же время он потребовал от жителей Меца отдать ему одни из городских ворот. Намерение его, говорил он, состояло в том, чтобы избрать их город местом свидания с императором и устроить ему там великолепный приём.

Жители Меца легко могли заподозрить его замыслы: они знали его неистовое честолюбие. К тому же этот вольный имперский город искони научился остерегаться соседних государей и сеньоров. Он был для них предметом великой зависти; его богатство их прельщало; его привилегии и вольности им не нравились. Ещё совсем недавно, в том же году, Николай, герцог Калабрийский и Лотарингский, пытался захватить Мец. Своё предприятие он замыслил вместе с окрестными немецкими сеньорами; воины, переодетые возчиками, явились под вечер к одним из городских ворот и перебили привратников. Они вызвали находившуюся поблизости засаду; выхватив оружие, спрятанное в бочках, которыми была нагружена повозка, они уже кричали: «Город взят!» — и рассыпались по улицам, когда какой-то булочник запер за ними ворота. Подняли тревогу; всякое сообщение между внутренней частью города и внешней было прервано. Тогда немецким дворянам и людям герцога Николая оставалось лишь дорого продать свою жизнь. Почти все они были перебиты на улицах, в домах или в садах близ городской стены. Герцог Николай, раздражённый этой неудачей, собирал более значительные силы, чтобы отомстить жителям Меца, как вдруг его поразила внезапная смерть, отдавшая его наследство притязаниям герцога Бургундского.

Таким образом, город менее чем когда-либо был расположен доверчиво исполнять желания этого государя. Он делал тщетные настояния, бесполезно прибегал к посредничеству императора; ничто не могло заставить жителей впустить его в свои стены иначе, как только лично и со слугами его дома. «У меня есть ключи от вашего города», — говорил он, показывая свои пушки и армию, — но я хочу войти с полным доверием и дружбой». Угрозы его также не подействовали. Однако, чтобы не слишком его раздражать, горожане Меца поднесли ему большую золотую чашу, полную флоринов, и сверх того отправили двести телег с рейнским вином, бочку мальвазии, пятьдесят быков, четыреста баранов и множество хлеба.

И действительно, он велел отовсюду свозить съестные припасы и продовольствие, чтобы кормить и содержать несметную толпу сеньоров, рыцарей, слуг и воинов, которые должны были собраться ради его свидания с императором. В Люксембурге устраивались большие охоты и облавы, чтобы добыть в изобилии дичь. Города его владений делали ему большие поставки или давали крупные суммы денег. Под предлогом, что горожане Ахена некогда благоприят-

ствовали льежцам, а недавно — жителям Нимвегена, он потребовал и от них богатого дара золотой посудой и флоринами. Он приезжал в их город совершить паломничество к Богоматери и провёл несколько дней, являя зрелище блеска своего двора, особенно удивительное для немцев, живших проще и грубее других народов христианского мира.

Больше всего восхищения вызывала его капелла. Все её богатства он выставил в церкви Богоматери на четырёх столах, покрытых золотой парчой. Там виднелись двенадцать апостолов из позолоченного серебра; десять других фигур святых из чистого золота; множество больших золотых или серебряных распятий, украшенных резьбой или алмазами; шесть больших подсвечников, одна пара из которых была золотой; золотая рака, покрытая алмазами, с мощами святых Петра и Павла; золотая дарохранительница, вся покрытая резьбой. Самым драгоценным была лилия из алмазов, заключавшая гвоздь от креста, и частица истинного креста, в которую был вправлен алмаз длиной в два пальца; наконец, великое множество реликвий. Музыка его капеллы, предмет его особого вкуса и забот, каждый день исполняла в церкви гимны под звуки инструментов и приводила в восторг жителей Ахена. Они оказывали герцогу Бургундскому не меньшие почести, чем императору, что чрезвычайно льстило его гордости.

29 сентября император прибыл в Трир. Когда стало ясно, что город Мец отказывается от этой опасной чести, местом свидания был назначен именно Трир. Герцог находился в Люксембурге; узнав о прибытии императора, он тотчас отправился в путь, чтобы встретить его. Император выехал из города, дабы совершить торжественный въезд вместе с герцогом Бургундским. Его окружала многочисленная свита немецких князей. Возле него находились его юный сын герцог Максимилиан, Адольф Нассауский, архиепископ Майнцкий, Георг Баденский, епископ Меца, Людовик и Альберт, герцоги Баварские, Карл, маркграф Баденский, Эберхард, граф Вюртембергский, граф фон Вернембург, граф фон Катценелленбоген, сеньор Дармштадта, могущественный на берегах Рейна. Но среди окружавших его самым, быть может, замечательным был брат Магомета, императора турок, попавший в плен к христианам. Папа Каликст III обратил его в католическую веру и окрестил под своим именем, так что его звали принц Каликст Оттоман.

Свита герцога Бургундского была гораздо многочисленнее и блистательнее. Впереди него шёл отряд герольдов, каждый одетый в герб одного из его владений. Возле него находились Людовик Бурбонский, епископ Льежский; Давид, бастард Бургундский, епископ Утрехтский; Иоанн, герцог Клевский; Людовик де Шато-Гийон из Оранского дома; граф Нассауский, граф де Марль, сын коннетабля, Антуан, великий бастард Бургундский; Ги, сеньор д'Имберкур, и многие другие. Половина его армии служила ему эскортом и занимала все деревни на пространстве более чем в два лье справа и слева.

Герцог был полностью вооружён, а поверх доспехов носил плащ, украшенный золотом и алмазами более чем на двести тысяч дукатов. Император был одет в длинное одеяние из золотой парчи с открытыми рукавами, вышитое жемчугом. На его сыне было пурпурное платье, вышитое серебром. Когда оба государя встретились, герцог Бургундский сошёл с коня и приветствовал императора, преклонив одно колено. Император также спешил, тотчас поднял герцога и обнял его. Они снова сели на коней и вместе направились к городу. Иоанн Баденский, архиепископ Трирский, и его брат маркграф Христофор выехали за ворота встречать государей. Их шествие было также великолепно. Шестьсот латников, все одетые в красное, присоединились к эскорту герцога Бургундского и императора. Особенно восхищались ста юношами прекраснейшей наружности, убранными с таким же тщанием, как женщины, чьи белокурые вьющиеся волосы ниспадали на плечи; они открывали шествие.

Несметная толпа, собравшаяся из всех соседних земель, теснилась, чтобы посмотреть на столь прекрасную церемонию. Никогда ещё не видели такого выставления напоказ богатства и роскоши. Люди из свиты императора приложили все усилия, чтобы не быть побеждёнными в великолепии бургундцами. Поэтому старые немцы говорили, что это пустое подражание чужеземной роскоши может быть лишь пагубно для истинной и прочной славы германского отечества. Несмотря на все свои расходы, им было далеко до пышности бургундских сеньоров, и следствием этого были не союз и дружба, а чистая зависть[28]. Что же до людей мудрых, оценивавших по достоинству всю пышность и суетность государей, они скорбели о таких издержках, когда народы с каждым днём были задавлены всё более тяжкими податями. «Чтобы немногие одевались так богато, надобно было сделать многих бедняками», — говорили они.

Император и герцог проехали через город Трир, держась рядом и выказывая толпе все признаки дружеской близости. Сотворив молитвы в соборе, они затеяли между собой спор любезности, каждый желая проводить другого до его жилища. Наконец они расстались. Император остановился в архиепископском дворце, герцог — за городом, в монастыре Святого Максимиана.

После первого визита к императору, который проводил его до двора, герцог сделал и второй, и на сей раз император проводил его до Святого Максимиана. Там начали обсуждать великие дела. Архиепископ Майнцский произнёс сперва по-латыни длинную речь от имени императора, в которой, воздавая герцогу величайшие похвалы, сокрушался о том, что непрерывные войны, которые тот ведёт против французского короля, возмущают покой христианского мира и мешают государям соединиться против турок, чьи завоевания в последние годы были столь грозны.

Герцог потребовал, чтобы ответ, который будет дан от его имени, был торжественным и выслушан как можно более многочисленным собранием. Тогда перешли в обширную трапезную аббатства, которую герцог велел украсить своими лучшими шпалерами, изображавшими подвиги Александра. Для императора было поставлено тронное кресло на высоком помосте; он не без труда согласился сесть. Его сын и князя империи разместились возле него справа; герцог и все бургундские сеньоры заняли места слева.

Затем мессир Гийом Югоне, его канцлер, облачённый в фиолетовую симару с горностаем, как канцлер Франции, взял слово и ответил по-латыни на речь архиепископа Майнцкого. Он напомнил всю историю распрей Бургундии и Франции, неблагодарность короля, нарушенные им обещания, отравление герцога Гиенского и не забыл ни одного ненавистного обвинения против него, утверждая, что без его злых умыслов и предприятий против герцога этот государь с большей, чем кто-либо, готовностью отомстил бы христианскому миру за жестокие и недавние победы неверных. Немецкие учёные нашли в речи бургундского канцлера больше обилия и лёгкости, чем изящества слога; таков, по общему их мнению, был недостаток французов, когда они говорили по-латыни. После этого совещания, казавшегося скорее пустой церемонией, нежели искренним и серьёзным обсуждением, герцог почтительно проводил императора.

Не публично и не с такой пышностью обсуждались истинные причины свидания. Требования и притязания герцога Бургундского были высоки и многочисленны. Он не только хотел получить титул короля и должность генерального викария империи, но и требовал больших приращений территории, между прочим четырёх епископств — Льежа, Утрехта, Турне и Камбре, которые были ленами, зависевшими непосредственно от империи. Он, быть может, попро-

сил бы и Лотарингию, одно из владений, которых всего жаднее домогалось его честолюбие; но французский король, как только узнал, что герцог Рене де Водемон попал во власть герцога Бургундского, поспешил со своей стороны велеть задержать одного племянника императора[29], учившегося в парижских школах. Он также немедленно отправил сеньора де Краона созывать бан и арьербан и вольных стрелков провинций, соседних с Лотарингией, чтобы быть готовым защищать её, если герцог нападёт. Не пренебрёг он и средствами переговоров[30]: от его имени императору было представлено, какой опасности тот подвергается, покровительствуя государю, чьи гордость и честолюбие не знают никаких границ; который, будучи вассалом, вскоре захочет стать господином; который отнимет императорское достоинство у его сына Максимилиана, а быть может, и у него самого; который, неспособный к благоразумию и покою, будет беспрестанно возбуждать войны в Германии, чтобы пытаться делать новые завоевания.

Император Фридрих III был ограниченного ума, недоверчивого нрава и боялся всякого рода смут и движений. Советы французского короля нашли в нём благоприятный приём. Пышность бургундского двора его раздражала и вызывала зависть. Он замечал, что это свидание устанавливало своего рода непрерывное сравнение между ним — старым, слабым волей и умом, без славы и блеска — и этим герцогом Бургундским, во всей силе возраста, пылким, самонадеянным, прославленным столькими великими предприятиями и победами. Казалось, что император — это Карл Бургундский, а старый Фридрих Австрийский — смиренный вассал. Сеньоры обеих наций не лучше ладили между собой. Немцы с завистью говорили об этой великой пышности и изящных манерах французов. Слуги герцога Бургундского находили немцев грубыми и нечистоплотными. Они говорили, что жалко селить их в красивые, хорошо убранные и богато завешанные покои, цену которых те так мало знают, что вытирают свои сапоги покрывалами с постелей[31].

Помимо этих поводов к недоброжелательству, у советников императора были и более важные причины не удовлетворять требований герцога Бургундского. Единственное, чего от него хотели, — это брак герцога Максимилиана с его дочерью. Этому принцу было восемнадцать лет, ей — пятнадцать. Нельзя было привести ни одного разумного основания для отсрочки совершения этого союза. Герцог соглашался на него и давал в этом отношении самые прекрасные обещания; но как его ни торопили с заключением брака, он всё откладывал. С его позволения мадемуазель Бургундская и герцог Максимилиан писали друг другу. Однако было недавнее доказательство того, что ещё более торжественное обязательство, взятое с покойным герцогом Лотарингским, герцог не сдержал. Дело в том, что, несмотря на страстное желание получить королевский титул, он надеялся добиться его, не подчиняясь необходимости выдать дочь замуж; более жестокой необходимости он не знал. Мысль его была всецело занята теми неприятностями, которые мог бы доставить ему зять. «Всё равно что постричь меня во францисканцы», — говорил он самым близким своим слугам[32].

Среди этих переговоров дни проходили в празднествах, турнирах и пирах, и всё готовилось к тому коронованию, которое герцог считал уже обеспеченным. 4 ноября в великолепной церемонии он получил от императора инвеституру на герцогство Гелдерн и принёс ему оммаж за все свои владения, зависевшие от империи. Церковь Святого Максимиана была увешана великолепнейшими шпалерами; алтари были покрыты золотыми, золочёными и серебряными сосудами, мощами и раками, украшенными алмазами и привезёнными вместе с капеллой герцога. Был поставлен трон императора, а немного ниже — трон нового короля; скипетр, корона, мантия и королевское знамя были выставлены на обозрение любопытным. Венчать преемника древних и славных королей великого Бургундского королевства должен был Георг Баденский, епископ Меца. День был назначен[33], как вдруг в то самое утро герцог узнал, что

накануне вечером император сел в лодку на Мозеле, чтобы отправиться в Кёльн, покинув его тайком, без прощания и посмеявшись над всеми его надеждами и пышными приготовлениями.

Удивление и гнев герцога Бургундского были, как легко поверить, велики; но его замыслы относительно Германии остались прежними. Только теперь он стал думать о том, чтобы вернуться туда открытой силой: туда обращались все его помыслы. Прежде всего он постарался обеспечить себе союз с герцогом Лотарингским. Не имея возможности завладеть его землями, он хотел, по крайней мере, не встретить в нём препятствия. Был заключён договор против короля; кроме того, герцог Бургундский получил для себя и своей армии свободный проход через Лотарингию, чтобы направиться в своё графство Феррет и графство Бургундское. В середине декабря он двинулся в путь и был принят в городе Нанси с почтением и усердием герцогом Рене; этот государь выехал ему навстречу, а затем проводил до границы своего герцогства.

Между герцогом Бургундским и королём Рене, дедом герцога Лотарингского, также вновь завязались обширные тайные сношения. Несмотря на все видимости преданности и покорности, этот старый глава Анжуйского дома часто участвовал или, по крайней мере, знал о кознях, плетущихся против французского короля[34]. Он весьма одобрял замысел брака между герцогом Николаем и мадемуазель Бургундской. Ни торжественное обязательство, взятое с госпожой Анной Французской, чьё приданое было в значительной части получено вперёд, ни боязнь оскорбить короля нисколько не удерживали анжуйских принцев. Что до него самого, он не оставался в неведении обо всех этих происках. Не один слуга из дома короля Рене извещал его о самых тайных посланиях, а быть может, даже наговаривал больше, чем было, как обыкновенно делают люди этого рода, чтобы лучше заставить платить себе. Однако король не поднимал шума; он боялся довести тех, кто ему изменял, до того, чтобы они стали его открытыми врагами: то он притворялся, будто ничего не знает, то, чтобы сделать их осторожнее, давал понять, что не обманывается и знает об их кознях.

После последнего перемирия, заключённого в ноябре 1470 года, и пока герцог Бургундский всецело предан завоеванию Гелдерна и замыслам относительно Германии, король деятельно трудился над тем, чтобы стать господином в своём королевстве. Если врагом его и оставался герцог Бретонский, который никогда не подписывал с ним искреннего мира, то, по крайней мере, благодаря сеньору де Лескену он мало опасался, что этот государь начнёт против него открытую войну, и делал вид, что полагается на его честность. Именно его он, казалось, хотел сделать посредником в своих распрях с герцогом Бургундским; именно через бретонских послов он вёл переговоры о продлении перемирий.

Первым из мятежных сеньоров, которого он взялся усмирить и наказать, был граф Арманьяк. Он решил, что на сей раз это будет окончательно. После смерти герцога Гиенского Пьер де Бурбон, сеньор де Божё, был послан во главе дворянства Лангедока покорить область Арманьяк. Он вскоре запер графа в его городе Лектуре; армия его была многочисленна; осаждённые не могли ему противостоять, и продовольствия у них не хватало. Граф Арманьяк попросил переговоров; он сдал город и отказался от всех своих владений, кроме сеньорий Флёранс, Кос и Ногаро, с условием, что ему будет назначена пенсия в двенадцать тысяч франков.

Три месяца спустя, когда он просил охранную грамоту, чтобы поехать договариваться с королём, и когда сеньор де Божё, распустив армию, находился в Лектуре со слабым гарнизоном, граф Арманьяк тайно проник в город, захватил сеньора де Божё и его главных капитанов и вновь объявил мятеж. Это было до перемирий, заключённых герцогами Бургундским и Бре-

тонским[35]; он рассчитывал на их поддержку и надеялся на помощь англичан. Таким образом, его мятеж не был безрассуден; он мог добиться полного успеха или, по крайней мере, хороших условий. Предприятие, которым он захватил врасплох Лектур, было поддержано и подготовлено Шарлем д'Альбре, сеньором де Сент-Базей, и некоторыми другими слугами короля, которые, чтобы лучше обмануть его, притворялись, будто, как и сеньор де Божё, находятся в плену у графа Арманьяка, и посылали ложные донесения[36] о положении дел.

Как только перемирия были подписаны и король перестал опасаться своих самых могущественных врагов, он отправил против графа Арманьяка новую армию. Ею командовали Гастон дю Лион, сенешаль Тулузы, и сеньор де Бальзак, сенешаль Бокера. Их рвение уничтожить графа Арманьяка не вызывало сомнений, ибо они уже получили большую долю в конфискации его владений. Однако ведение этого важного дела было главным образом поручено кардиналу Альбийскому Жану Гоффреду, бывшему епископу Арраса, некогда слуге Бургундского дома, первому виновнику отмены Прагматической санкции; одному из самых искусных, усердных и грозных советников короля Людовика, который со времён жестокого процесса над вальденсами, предпринятого в его епархии и его капитулом, сохранил в народе прозвание «аррасского дьявола».

Лектур был сильной крепостью; граф знал, какая участь его ждёт, и не сомневался, что король желает его смерти. Надеяться на помощь ему было неоткуда; союзники не включили его в перемирия; его тесть граф де Фуа только что умер, оставив наследниками своего внука, подопечного его матери, французской принцессы, и виконта Нарбоннского, слугу короля.

Хотя надежды было мало, граф Арманьяк защищался доблестно. Король, видя, что осада затягивается, послал новые войска под началом Жана де Дайона, сеньора дю Люда, и отрядил Ива дю Вуа с наставлениями для переговоров. До тех пор не желали слушать никаких предложений. Когда граф Арманьяк пытался внушить опасения за то, что может случиться с сеньором де Божё и другими удерживаемыми им пленниками, сенешали отвечали даже: «Будь у него в руках дети Франции, никаких условий ему бы не дали».

К началу марта кардинал стал сговорчивее и согласился принять от графа епископа Ломбезкого и мэтра Грасьена Фавра, его канцлера. После нескольких переговоров было условлено, что графу будет дано полное прощение за всё, что он мог совершить против короля; что он сможет в безопасности явиться к нему, дабы быть выслушанным по суду относительно того, что ему вменялось; что воины, дворяне, вассалы и слуги графа смогут удалиться, куда им будет угодно, без каких-либо притеснений; что город Лектур не будет разграблен или разрушен и сохранит свои привилегии; что графине будет назначено безопасное место для проживания с её домом.

На этих условиях, подписанных кардиналом и сеньорами де Бальзаком, де Лионом и дю Людом, граф, получив охранную грамоту, подписанную и скреплённую печатью короля, для себя и свиты в шестьдесят коней, должен был сдать ворота Лектура.

Капитуляция была скреплена клятвой 4 марта. В течение дня 5 марта осаждённые и осаждавшие свободно общались; сеньор де Божё и другие капитаны были отпущены на свободу. Граф, чтобы сдать замок, перешёл жить в один из городских домов, а на следующий день епископ Ломбезкий и канцлер Арманьяка снова отправились к кардиналу, чтобы условиться о месте проживания графини. Во время этих переговоров ворота бульвара оставались открытыми. Робер де Бальзак и его лейтенант Гийом де Монфокон вошли в город со своими людьми.

Тотчас началась резня; вольные стрелки и латники убивали всех, кого встречали; выламывали двери домов; рассыпались по жилищам горожан; не щадили никого.

Сеньоры де Бальзак и де Монфокон без промедления отправились к дому, где находился граф; с ними шёл вольный стрелок по имени Пьер Горжиа, одетый в свою кожаную дублённую броню и в шлеме из барсучьей шкуры. На лестнице они встретили молодого дворянина из дома графа Арманьяка и убили его. Так они дошли до комнаты, никем не ожидаемые и не объявленные; они застали господина д'Арманьяка сидящим на скамье возле графини, которая была на седьмом или восьмом месяце беременности и которой прислуживали её женщины. Он обратил несколько приветливых слов к двум королевским капитанам. Едва они ответили на его приветствие, как Гийом де Монфокон, обратившись к стрелку, сказал: «Исполняйте, что вам приказано». Тогда Пьер Горжиа выхватил кинжал и, бросившись на графа, заколол его на глазах у жены, так что тот не успел даже попытаться защититься.

Вскоре толпа латников и стрелков ворвалась в дом и в комнату; тело графа Арманьяка выволокли во двор, раздели и изуродовали с жестоким остервенением. Женщин оскорбляли; кольца и драгоценности срывали с них силой; и если бы не Гастон дю Лион, подоспевший вовремя, чтобы хоть немного обуздать беспорядок среди воинов, они пострадали бы от их грубости ещё сильнее.

Он позаботился и о безопасности несчастной графини; его стараниями её отвезли в замок Бюзе, близ Тулузы. Через некоторое время после прибытия она увидела, как в её комнату вошли сеньор Кастельно де Бретену с мэтром Маса Герваданом и Оливье Ле Ру, секретарями короля; они привели с собой аптекаря. Под угрозами и насилием она приняла напиток, который заставил её выкинуть, а через два дня она умерла.

Таков был ужасный конец внука того знаменитого коннетабля, который пятьюдесятью пятью годами ранее также погиб, жестоко убитый. С тех пор его род, словно поражённый проклятием, давал о себе знать лишь непрерывной чередой измен, преступлений, грабежей, насилий, распутства, кровосмешений и мятежей. Он держал Гасконь и соседние земли в постоянном состоянии войны и беспорядков, не стяжав даже славы доблести или твёрдости в умении защищаться. Но то, как король поступил, чтобы положить конец пагубному могуществу этого арманьякского дома, показалось всем людям справедливым и мудрым столь же жестоким и вероломным, как любое из злодеяний, в которых этот дом был повинен[37].

Что до короля, то он не испытывал подобных угрызений. Радость его была столь велика, что он дал щедрую награду Жану д'Оверню, своему конюшенному гонцу, который первым принёс ему эту весть, и сделал его герольдом Франции[38]. Пьер Горжиа, убивший графа Арманьяка, был зачислен в гвардейские лучники и получил в награду серебряную чашу, полную эрю.

Впрочем, надобно сказать, что эту историю рассказывали не везде одинаково. Сторонники короля приписывали смерть графа несчастной случайности стычки между людьми города и осаждавшими[39], которые вошли первыми. Такой рассказ плохо сочетался с поголовным избиением жителей, полным разорением города, заточением и тайной смертью графини — обстоятельствами, которых нельзя было отрицать. Нельзя было также оспорить условия, дарованные и подписанные кардиналом. Что до охранной грамоты, данной королём, её легко могли забрать и изъять после убийства графа. Свидетельства преданий и хроник окрестных земель были единодушны в том, что всё происшедшее приписывалось приказам короля.

В 1484 году, после смерти короля Людовика, когда были созваны Генеральные штаты королевства, Карл д'Арманьяк, который после жестокой кончины своего брата содержался в темнице без иной причины, кроме гибельного имени, которое он носил, был допущен подать прошение в защиту памяти графа Арманьяка и велел адвокату рассказать обо всей жестокости и бесчестии его смерти. Когда юный король Карл VIII, выслушав это обвинение, брошенное против доброго имени его отца, удалился в свои покои со своими служителями, великий магистр Даммартен громогласно заявил, что всё было сделано по приказу покойного короля и по великой справедливости и разуму; ибо, сказал он, граф Арманьяк был преступник, бесчестный человек и изменник. На эти слова граф де Комменж и другие сеньоры, родственники или друзья Арманьякского дома, возразили ему с вызовом; уже обнажались шпаги, и лишь присутствие короля и принцев погасило эту ссору.

Как только король Людовик узнал об окончании арманьякской войны, он решил немедленно отправиться в Гиень, которая, по его надежде, должна была отныне стать надёжнее[40]. При нём не было воинов; его армия находилась либо на границах Пикардии и Бретани, либо в Гаскони; к тому же он хотел совершить скорое путешествие. Поскольку он с каждым днём становился всё боязливее и недоверчивее, эта долгая дорога с малой свитой не могла не внушать ему беспокойства. Он скрыл от всех свой замысел отъезда, ночью выехал из Тура, велел запереть ворота и развести мост, чтобы никто не мог его опередить или объявить о его проезде, и пользовался этой предосторожностью на всём пути. Так он прибыл к Святому Духу близ Байонны, что и было целью его паломничества; он редко путешествовал, не задаваясь каким-либо благочестивым обетом, одновременно следуя своим замыслам и предприятиям.

Он завершил устроение гиенских дел. Сеньор Шарль д'Альбре, сдавший Лектур и давно уже предававший короля, был отправлен в Пуатье. В своё оправдание он хотел сослаться на то, что граф Арманьяк держал его в плену так же, как и сеньора де Божё. Комиссары, его судившие, не дали обмануть себя пустой видимостью, которую он хотел сохранить, и приговорили его к смерти. Он был казнён без пощады, сколь ни велик был его дом. Правда, этот дом получил долю[41] в конфискациях Арманьяка. Двум слугам графа Арманьяка отрубили головы в Родезе. Некий Демье, которого король тайно оплачивал и держал при сеньоре де Божё и который посылал ему ложные сведения касательно захвата Лектура, был четвертован в Туре.

В то время как судьба была вполне благоприятна королю в уничтожении графа Арманьяка, неподалёку оттуда он испытал большую неудачу. После смерти герцога Иоанна Калабрийского Каталония не замедлила вернуться под власть арагонского короля, и Анжуйский дом более не предпринимал усилий, чтобы удержаться в этой провинции, которую считал своим наследством. Руссильон, который одинаковый язык, одинаковые обычаи и непрерывная торговля связывали с Каталонией, будучи обременён налогами, взимаемыми французским королём, и беспорядком его воинов, вскоре последовал столь близкому примеру. По всей провинции составил заговор, и в феврале 1473 года, пока королевская армия осаждала Лектур, восстание стало всеобщим. Оно было условлено с арагонским королём, приблизившимся к границе. В назначенный день французов повсюду атаковали; те, кто находился в Перпиньяне и не успел укрыться в цитадели, были перебиты. У короля остались только Сольс, Коллиур и перпиньянский замок. Арагонский король тотчас вступил в Руссильон и был с восторгом принят в городе. Он немедленно велел спешно обнести город новыми земляными валами. Жители трудились с невероятным усердием, чтобы обезопасить себя от возвращения французов.

Два с половиной месяца гарнизон замка оборонялся, а французский король не мог ни прислать ему помощь, ни даже сообщаться с ним. Наконец господин Филипп Савойский,

наместник короля в Руссильоне, пришёл осаждать Перпиньян; вскоре прибыл и кардинал Альбийский с армией, только что покорившей Арманьяк.

Дону Хуану, королю Арагонскому, было тогда семьдесят шесть лет. Все его капитаны заклинали его не давать запереть себя в плохо укреплённом месте, с малыми запасами продовольствия, которое французы, без сомнения, окружают со всех сторон. Они клялись защищаться доблестно и не сдаваться, пока в жилах у них есть кровь. Но чем более старый король видел, что предприятие трудно и опасно, тем более считал своё присутствие необходимым. К тому же стойкость жителей могла поколебаться: в городе была партия, расположенная к французам. Он решил остаться, собрал горожан в соборе. Поблагодарив их за доверие к нему, он сказал, что и сам доверяет им не меньше, и поклялся не покидать их и до конца разделять с ними опасности и тяготы осады.

Король Людовик вовсе не был готов вести такую войну; несмотря на перемирия, он не мог рисковать, оголяя границы Бретани или Нормандию, куда могли высадиться англичане; ни Пикардию, Иль-де-Франс и Шампань, соприкасавшиеся с бургундскими владениями; ни герцогство Бар, которое он занимал после смерти герцога Николая и замыслов герцога Карла против Лотарингии. Поэтому он мог отправить в Руссильон не ордонансные роты, а лишь бан, арьербан и вольных стрелков соседних провинций. Помимо своего наместника господина Филиппа Савойского, ему важно было иметь во главе этой армии какого-нибудь искусного и опытного начальника. Сначала он выбрал одного из самых преданных своих слуг, маршала де Комменжа, старого товарища своего изгнания в Женаппе, которого редко видели при дворе, потому что король ещё больше любил тех, кто ему повиновался, чем тех, кто слишком много ему советовал, и более всего боялся быть или казаться управляемым. Поэтому он постоянно держал маршала при его губернаторстве в Дофине, которое имело немалое значение из-за соседства с Савойей. К несчастью, маршал де Комменж умер в апреле 1473 года, когда собирался отправиться в Руссильон. Преемником ему король назначил сеньора Луи де Крюссоля, сенешаля Пуату и великого хлебодара Франции, который также умер, не успев принять командование армией. Наконец оно было вверено одному из людей, более всего нравившихся королю[42]: это был Жан де Дайон, сеньор дю Люд, бальи Котантена. Он с юности воспитывался вместе с королём, который называл его своим кумом и обращался с ним с давней привычной фамильярностью. Нрав его был довольно сходен с нравом его господина; не было человека, которого он постеснялся бы обмануть или провести. Для него, как и для короля, это было делом игры и насмешки, и они любили шутить друг с другом над своими хитростями. Король прозвал его «мэтр Жан ловкостей» и иногда писал ему: «Делайте хорошенько мэтра Жана, а я буду делать мэтра Людовика»; но и тот и другой при своей любви к обману и слишком большой живости ума нередко сами давали себя обмануть.

Впрочем, прежде чем сеньор дю Люд около сентября 1473 года встал во главе руссильонской армии, под Перпиньяном произошло много событий. Как только дворянство Арагона, Каталонии и королевства Валенсии узнало, что его старый и доблестный король заперся в этом городе, всё пришло в движение, чтобы идти к нему на помощь[43]. Его бастард, архиепископ Сарагосский, встал во главе трёхсот всадников и явился защищать город Эльн. Дон Фердинанд, супруг госпожи Изабеллы Кастильской, оставил великие интересы, которые имел в этом королевстве, желая обеспечить его наследство за своей женой, и собрал пятьсот кастильских копий, а также дворян Арагона, Валенсии и Каталонии, чтобы идти в Руссильон.

В Перпиньян были введены значительные подкрепления. Среди арагонских сеньоров каждый стремился разделить опасности короля. Дон Педро де Перальта, коннетабль Наварры,

переделся монахом-францисканцем, прошёл через лагерь французов и таким образом, рискуя жизнью, сумел проникнуть в город.

Столь доблестная оборона расстроила все предприятия осаждавших; они не могли даже помешать обозам подвозить продовольствие — так мужественно и умело велась эта война. Сеньор дю Ло, губернатор Руссильона, и сенешаль Бокера даже попали в плен во время одной из вылазок гарнизона. Перпиньянские горожане, воодушевлённые присутствием короля, сражались не хуже и переносили усталость и лишения с таким же терпением, как воины.

Наконец, после более чем трёх месяцев осады, дон Фердинанд, собрав армию более чем в семь тысяч бойцов, вступил в Руссильон. Французская армия страдала от болезней; в ней начал ощущаться недостаток во всём; король не мог переправить туда денег. Пришлось отступать, и с такой поспешностью, что жилища в лагере подожгли и предали огню множество бедных больных и раненых, так как не было никакой возможности их увезти[44].

Французы уже не были в состоянии держаться в открытом поле. Присутствие дон Фердинанда требовалось в Кастилии; было заключено перемирие. Это было в июле. Когда французский король узнал эти дурные вести, он сильно разгневался. Тогда-то он и назначил сеньора дю Люда начальником армии и велел её усилить. Он сделал большие займы у мэтра Брисонне, богатого купца и мэра города Тура. Затем, не останавливаясь на перемирии, о котором договорились господин Филипп Савойский и кардинал Альбийский, он пожелал, чтобы Перпиньян, чья цитадель благодаря доблестному гарнизону всё ещё принадлежала французам, был снова осаждён.

Старый король дон Хуан был болен от тягот первой осады, но настояния врачей и слуг опять не могли добиться, чтобы он покинул город, и он пожелал выдержать второе нападение. На сей раз французский король поступил так, как делал в трудных предприятиях, где терпел неудачу: война стала для него лишь средством договориться на более выгодных условиях[45]. 17 сентября было условлено, что Руссильон будет передан арагонскому королю, когда тот уплатит сумму, за которую это графство было заложено в 1462 году[46]; что до тех пор губернатор будет избран французским королём из двух лиц, указанных арагонским королём, но чуждых этой провинции; а капитан каждого города, напротив, будет избран арагонским королём из четырёх лиц, указанных французским королём. Были приняты и все прочие предосторожности для сохранения прав обеих сторон. Однако страна должна была по-прежнему управляться от имени французского короля и быть ему возвращена, если в течение года арагонский король не возместит сумму, за которую Руссильон был в залоге[47]. Договор устанавливал союз между обоими королями, и начали поговаривать о замысле брака между дофином и инфантой, дочерью дон Фердинанда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.